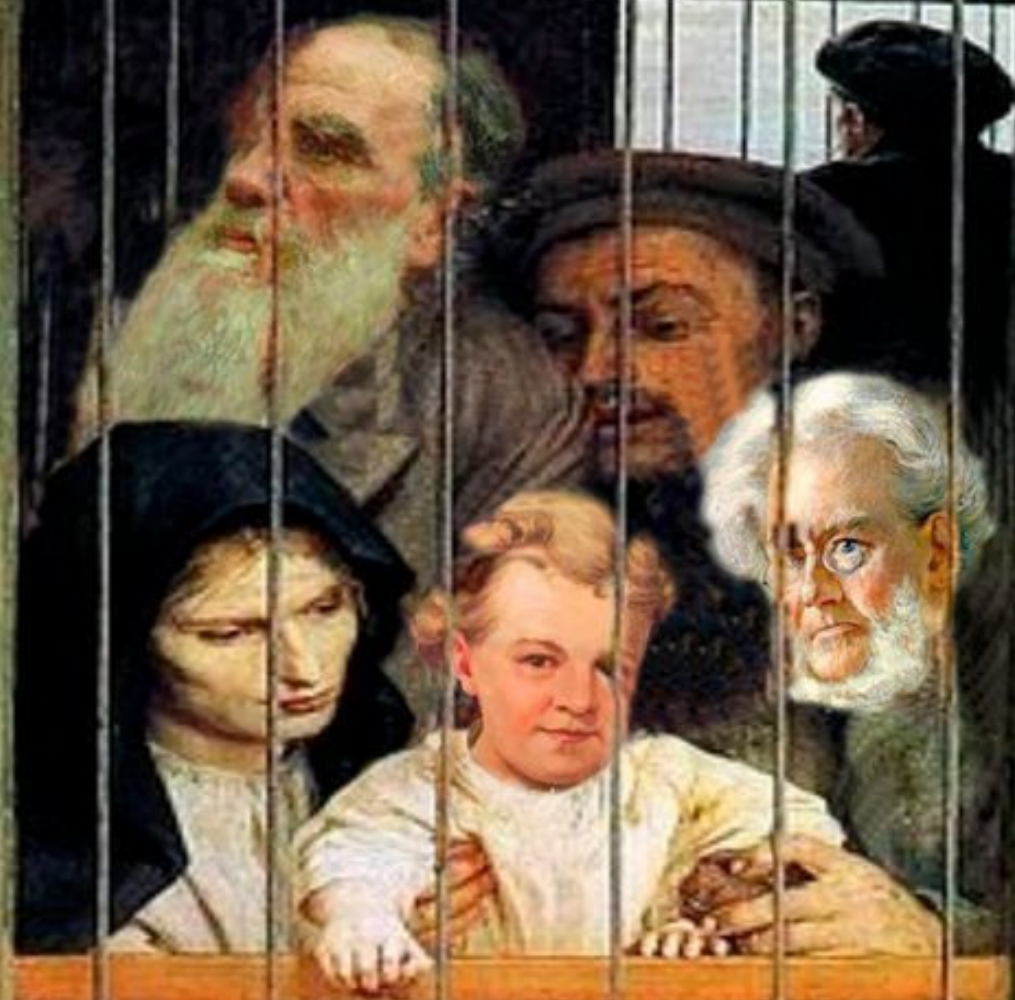


18+



Эдуард Дворкин
Генеральный инсект
Господин ощущений - 2



Эдуард Дворкин

**Генеральный инсект.
Господин ощущений – 2**

«Издательские решения»

Дворкин Э.

Генеральный инсект. Господин ощущений – 2 / Э. Дворкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530791-0

Игра в Анну Каренину продолжалась, все дышало наивной простотой
прошлых столетий. Мир создан, чтобы привести нас к прекрасной книге.
Помните?

ISBN 978-5-00-530791-0

© Дворкин Э.
© Издательские решения

Содержание

Книга первая. Звонящий в часах	7
Часть первая	7
Глава первая. Задача жизни	7
Глава вторая. Прерванный разговор	8
Глава третья. Вымыть полки	8
Глава четвертая. Пустое блюдо	9
Глава пятая. Пили чай	10
Глава шестая. Всякий раз	11
Глава седьмая. Знак жизни	12
Глава восьмая. Сами по себе	13
Глава девятая. Всякий человек	14
Глава десятая. Прощание с Антихристом	14
Часть вторая	16
Глава первая. Взыскующие града	16
Глава вторая. Чисто детские интриги	17
Глава третья. Шаг на протезе	17
Глава четвертая. Большой праздник	18
Глава пятая. Своя манера	19
Глава шестая. Много масла	20
Глава седьмая. Не было повода	21
Глава восьмая. Топили камин	22
Глава девятая. Выше закона	23
Глава десятая. Формы правления	24
Часть третья	25
Глава первая. Били куранты	25
Глава вторая. Рискнуть предложить	25
Глава третья. Шумно влетело	26
Глава четвертая. Нечто ужасное	27
Глава пятая. Глаз-алмаз	28
Глава шестая. Стучат листья	29
Глава седьмая. Тяжкая твердость	30
Глава восьмая. Момент приложения	31
Глава девятая. Заманчивое единство	32
Глава десятая. Воздух гремел	32
Часть четвертая	34
Глава первая. Послушать егорова	34
Глава вторая. Упорные стремления	34
Глава третья. Будет чудо	35
Глава четвертая. Признаки Рамбулье	36
Глава пятая. Позолоченное брюхо	37
Глава шестая. Холить руки	38
Глава седьмая. Длинные уши	39
Глава восьмая. Ложный магазин	40
Глава девятая. Истоки свободы	41
Глава десятая. Ничего особенного	41
Часть пятая	43

Глава первая. Поднял брови	43
Глава вторая. Визжал снег	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Генеральный инсект Господин ощущений – 2

Эдуард Дворкин

«Существуют писатели, которые, изображая невозможное возможным и говоря о нравственном и гениальном так, как будто то и другое есть лишь каприз и зависит от произвола, вызывают чувство шаловливой свободы, как когда человек становится на носки и от внутренней радости непременно должен заплясать».

Фридрих НИЦШЕ. «ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ, СЛИШКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ»

«Здравый смысл – добрая вещь. Существуют, однако, области человеческого духа, куда можно и даже должно пускать здравый смысл только для того, чтобы он здесь подчищал, подбирал, отворял и затворял двери, – одним словом, прислуживал, но отнюдь не приказывал».

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ. «ТОЛСТОЙ И ДОСТОЕВСКИЙ»

«Когда сам говоришь, никогда не прилаживайся к тому, что ты говорил раньше: это без нужды стеснит твою свободу, и без того закованную в слова и грамматические обороты. Когда слушаешь собеседника или читаешь книги, не придавай большого значения отдельным словам и даже целым фразам. Забудь отдельные мысли, не считайся даже с последовательно проведенными идеями. Помни, что собеседник твой и хотел бы, да не может иначе проявить себя, как прибегая к готовым формам речи... Не только в устной беседе, но даже в написанной книге можно подслушать звук, даже и тембр голоса автора и подметить мельчайшие оттенки выражения глаз и лица его. Не лови на противоречиях, не спорь, не требуй доказательств: слушай только внимательно».

Л. И. ШЕСТОВ. «ПРЕДПОСЛЕДНИЕ СЛОВА»

© Эдуард Дворкин, 2021

ISBN 978-5-0053-0791-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0053-0792-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая. Звонящий в часах

Часть первая

Глава первая. Задача жизни

Не было ничего, кроме звона колокольчиков.

Так начинать мог только Единый, но он пока не хотел.

Было воскресенье вскоре после второго Спаса, пили чай после обедни.

Игрушечная клетка из гипюра и кисеи висела под потолком; бронзовая фигурка, какие употребляются для закидывания занавесок на окнах, представляла дворника с атрибутами его власти над конскими яблоками: метлою и совком.

– В нашей инстинктивной жизни мы отдаемся только факту и всегда пассивно! – маменька на что-то намекала.

В торжковских туфлях, шитых золотом, папаша ничего не ответил, но она поняла, о чем он подумал.

Похоже, игра в Анну Каренину продолжалась – это было тем вероподобнее, что накануне из Дармштадта звонил Алабин и, судя по всему, с каждым из родителей говорил без всяких прелиминарий.

Алабин умел говорить резонно, имел про запас меткие реплики, сокрушающие вопросы и бойкие замечания.

Не факт, что перед нами днем и ночью стояла задача жизни, но Алабин был именно тот человек, который умел ее поставить.

Он связывал нас не с Германией, не с Америкой даже – он связывал с бесконечностью и в этом смысле диктовал такие принципы деятельности, какие опираются на основу более широкую, нежели одно только непосредственное настоящее.

– Всякий человек должен сам себе подготовить то или иное будущее состояние, – он говорил.

– Колокольчики? – предполагал папаша. – Звук?

– Ни-че-го, – отвечал Алабин. – Во-об-ще!

Звук его голоса дробился на отзвуки и отголоски.

С отзвуков именно предстояло начать: мертво было у постели – в одной зале *томился* камин, черные тени с высунутыми языками и когтистыми крыльями прыгали и носились по стенам.

Все дышало наивной простотой прошлых столетий.

Неизменяемость явлений вносит известное успокоение в душу: было и будет!

Кровать, впрочем, будет называться иначе, и простотою все станет не дышать, а *кишеть*.

Суд учинит вялое следствие, которое ни к чему не приведет.

Пугать и чрезмерно радовать будут не мысли, а слова.

Сливки охтенка принесет вечером.

Придут великие люди, оживет природа, все наполнится.

Разом что-то вырастет вдали, вытянется длинным силуэтом, взглянет огненными очами, фыркнет, пыхнет и опять станет исчезать, оставляя в воздухе черную полосу дыма.

Глава вторая. Прерванный разговор

Мертво было у постели.

Ни вдоха, ни движения.

Не было ничего.

Впрочем, была бесконечность и в ней постель; сама же кровать называлась иначе.

Ничего – это испуг, похожий на предчувствие (послевкусие).

Вообще – это прежде не изведенные ощущения.

Был испуг, похожий на предчувствие: откуда в бессмертной душе ощущения, которых она никогда не знавала?

Ангелам не нужны вдохи и движения; двое слетали к ней; от плотского союза ангелов с женщинами рождаются демоны.

Ангелами оказались Келдыш и отец Гагарина.

– Хвойный душ, хвойный душ! – пели они херувимскую.

Слова любви просились вырваться наружу.

Гости связывали Анну с бесконечностью: Келдыш – в прошлом, отец Гагарина – в будущем.

Они подготавливали ее.

До поры пассивно она отдавалась факту.

Самое себя воспринимала она как большую проблему.

Келдыш и отец Гагарина посещали ее регулярно: она вызывала привыкание.

– Она – это то, что не знает себя, что пребывает в абсолютном неведении относительно себя и мира, – Келдыш говорил отцу Гагарина.

– До поры, – отец Гагарина отвечал, – до времени.

Время пошло, но ничего не приносило с собой.

Они усиливались казаться влюбленными.

В одном ночном платье она давала одеялу сползти.

– Пожалуй, она могла бы существовать, – прикидывал отец Гагарина.

– В эпоху мелкой пестроты и разноголосицы! – напрягался Келдыш.

Они усиливались магнетизмом воли заставить ее открыть глаза.

Нужно было жирное молоко, лучше – сливки: с вечера намазать свежими.

Они знали это наверно и доподлинно.

Они старались сорвать с ее губ улыбку своим остроумием и находчивостью.

Она в их присутствии могла провести пальцами от основания носа до ноздрей.

Ей смерть хотелось возобновить прерванный разговор, но трудно было сделать это без особенной неловкости.

Уже Анна могла усиленно думать.

Одна мысль до краев наполняла все ее существо: елико возможно дорого —

Небо было серо, воздух сыр.

Келдышу только что прошумел дождь – Алексею Ивановичу на шляпу падали крупные капли.

– Пора пить чай: я слышу, ложечками звенят! – отец Гагарина подставил ухо ветру.

Ложечки заливались малиновым звоном.

Глава третья. Вымыть полки

Существует ли человек-кровать?

В этом вопросе нет никакой язвы.

Вся мебель из каренинского дома была вывезена в кокоревский склад на Лиговке, но вот кровать сумела как-то постоять за себя, словно бы верила (верил, верзила), что хозяйка вернется.

Очень по-человечески.

Анна иногда чувствовала, что по ночам кто-то по-мужски обнимает ее, но в постели никого не было.

«Человек в кровати ищет поработить женщину», – видела она объявление в газете.

Как же теперь называлась кровать?

Множество разговоров было прервано, и нужное слово застряло в каком-то из них.

Пить чай пока было ей рано – она слышала, как уходили мужчины-ангелы, уже обеспечившие себе значительное будущее состояние.

В Анне они видели женщину, которая им нравилась в ночном платье при неярком освещении – они стремились искупаться (разогреться) в лучах ее славы, популярности, скандальной, может стать, известности: они стремились к этому, чтобы впоследствии иметь возможность бросить, в разговоре, вскользь, что они с ней *были*.

Всегда она имела непостоянных друзей, в числе которых были даже Римский папа, израильские цари и пророки – стоило только затопить камин, и они начинали бегать по стенам.

– Я теперь опытная! – хотела им прокричать Анна, но пока не могла.

Она крикнула бы это шутливо, с церемонной интонацией, чтобы не выдать серьезности замышляемых ею действий.

В доме еще не было мебели, но на месяц вперед наколото было сахару, намолото кофе – когда привезут шкафы, нужно будет сразу чисто вымыть в них полки.

Начать предстояло с детской интриги.

Природа, без видимой связи, рисовала изящную фигуру: смутно знакомый господин – был ли он манекеном, кучкой извивающихся червей, трубочистом или апостолом, было до поры закрыто.

Впрочем, какая разница?! Он мог принять любую личину.

Господин-ощущений-2!

«Смерть найдет свою причину. Господин найдет личину!» – не зря писал Генрик Ибсен.

Когда-то, куражась, она заказала себе манекен, и из Норвегии ей прислали копию великого притворщика.

Всегда в пестрых брюках, безукоризненном белье и черном сюртуке, Ибсен претендовал на роль апостола.

Скорее даже он, а не она, испускал в темноте те лучи славы, в которых не прочь были согреться отдельные исторические личности.

В самом деле он мог добавить ей ощущений.

Глава четвертая. Пустое блюдо

Келдыш – великий человек.

Великий человек – отец Гагарина.

Но и Алабин – великий человек, хотя и не ангел.

Петр Владимирович Алабин был награжден орденом Анны 4-й степени с мечами на шапку.

В Дармштадте он сидел за стеклянным столом, водил пальцем по мокрой поверхности, и столы пели.

– В иные дни, – пели столы, – к нам приходят великие люди, они берут нас за руку, и мы беседуем с ними; ангелы являются во плоти, уходят и приходят снова. Природа оживает, кофе намолот и наколот сахар, отскоблены полки в шкафах – у всех богов и духов проснулось

воображение и оно являет всюду живые, яркие образы. Вчера не слышать было птичьего голоса, мир был сух, каменист и пустынен; сегодня все населено и заполнено: цветет все создание, роится и множится!

В светлой паре, без шляпы, Петр Владимирович подпевал круглым московским звуком. Ему отзывалось —

Человек убрал пустое блюдо и переменял графинчики.

Человек (просто человек) не имел своего постоянного лица, имени, слабо ощущался другими и посему связан был с бесконечностью – оттуда, по требованию Алабина, он мог доставить ему нужный символ: какую-нибудь перевернутую восьмерку, шестиугольник в круге или *повапленный* параграф, весьма привлекательный в первом к нему приближении.

Анне соответствовала сердцеграмма (два меча появились позже), и Алабин с помощью человека нанес ее себе на потайное место: стоило только потереть ее —

Буква «Г» была символом личности, умеющей излучать таинственный свет, а гора с руками, державшими *бант жизни*, напоминала о всевидящем глазе со стекающей слезой.

Массивный буфет, символизирующий уют и семейность, о четырех дверцах, обклеенный ореховым деревом, с медными *оковалками* на замочных отверстиях и медными же головками на двух передних углах, оставался на кокоревском складе (он умел издавать звуки), и Алабин телеграфировал в Петербург, чтобы буфет отвезли, откуда взяли.

Анна теперь была опытная – опытный экземпляр Анны вот-вот должен был предстать перед специалистами и просто публикой, всем добавляя ощущений.

Буфет Кокорев лично отмыл изнутри – там внутри было, где развернуться.

Оставшись в буфете, Кокорев затаился в нем (чем не человек-буфет?), предполагая провести ночь у Карениной, но был обнаружен и изгнан человеком-кроватью.

Синяя триковая камилавка покрывала голову Кокорева – донышком книзу в нее вмазана была чашка со вставленной серебряной чайной ложечкой.

Глава пятая. Пили чай

– Цветник, освеженный росой, наполнял воздух благоуханием, – повторил отец Гагарина.

– Вы настаиваете? – маменька подняла плечи.

– Именно! – не отступал Алексей Иванович.

Пили чай, Келдыш ел яблоки: второй Спас.

– Каков вздор! – маменька зашумела буракового цвета толковым платьем. – Вы, вероятно, выпили лишнее и говорите пустяки.

Отец Гагарина залил в стакан вишневого сиропа и дополнил ромом.

– Ветка, полная плодов и листьев, – он напомнил, – откуда, по-вашему?

Предполагая обсудить Каренину, мы сбились на Мичурина.

Недоставало только тамбовских.

– Когда приезжает Иван Владимирович? – папаша был предметнее.

Вышла пауза.

Именно Мичурин запустил фразу о «вкусном рте».

Вкусный рот отвечает за послевкусие.

Отвечает *вообще* – ничего более.

Как должно понимать сие?

Чем больше символов, тем они ощутимее: язык между двумя челюстями.

Тысячу раз произнести «поезд», и во рту загрохочет.

В Дармштадте Алабину отзывалось послевкусием.

Дольше всего послевкусие держится в буфете.

«Для чего отмываете вы полки?»

«Чтобы убрать избыточное послевкусие, я наелась».

Господин вкусовых ощущений (пристрастий) стоял в оконной нише лепного зала рядом с господином звуковых ожиданий, когда, отделившись от прочих гостей, к ним присоединился господин осязаемых размышлений. Первый был в пестрых брюках, второй – в безукоризненном белье и третий – в черном сюртуке.

Предчувствие, похожее на бронзовое украшение, —

– Воистину от плотского союза ожиданий, размышлений и ощущений с демонами, – третий господин хохотал, – произошли женщины!

Он выпил лишнее и говорил пустяки, но все три господина, отворотившись от окна и глядя в зал, видели Анну Каренину: на ней сидело ловко сшитое желтое платье с ветками сирени, шумевшими нежно-лиловым цветом.

Она проводила пальцами от основания носа до ноздрей.

Ее тревожил запах яблок.

Только что к ней подошел господин на протезе – она положила свободную руку ему на локтевой сгиб: бал инвалидов ума и воли?

«Жить по-Божьи – значит ли божественно танцевать?» – господа в нише прикинули.

От деликатности до фамильярности – один шаг.

От увлечения до исполнения – три.

Два шага в сторону – побег от действительности.

Глава шестая. Всякий раз

Когда Толстой писал свою Анну, так не похожую на реальную, та спокойно принимала себе хвойный душ.

Она любила подшутить над нескромными ангелами: крупные капли падали отцу Гагарина на шляпу и за шиворот Келдышу.

– Елки зеленые! – ангелы не могли крепче.

Была пора и было время (время вообще).

Свою Анну Толстой ставил перед фактом, но Анна реальная подставляться под факт не имела желаний.

Вечером пришла охтенка, принесла жирного молока и сливок.

Молоко текло неприметно и словно бы само собою, как время; шло к маслу. Из масла, охтенка объяснила, можно сделать барана.

– Баран из масла может наделать дел на скатерти, – охтенка предупредила.

Анна смеялась: магнетизм воли.

Ей было интересно, чего там понаписал Толстой: оказывается, к каждому поезду нужно выезжать: ни больше ни меньше!

Когда Анна приезжала, кто-нибудь непременно выходил из вагона: звонящий, например, в часах.

Женщину в помятой кофточке он принимал за Анну Каренину – сама же Анна, укрывшись за фонарным столбом, наблюдала и слушала.

– Ты не из молоденьких, Анна, – говорил звонящий в часах женщине в помятой кофточке, – тебе, почитай, полтора года лет!

– Ну, ты вообще, – не знала женщина, что ответить.

Каренина, возвратившись домой, всякий раз приказывала вынести из квартиры всю лишнюю мебель, придававшую комнатам библиотечный характер, но мебель неизменно возвращалась на прежние места.

С кроватью, впрочем, было понятно, с буфетом, отчасти, тоже.

– Чья это работа? – Анна допрашивала Ибсена, но манекен только опускал большие веки.

Наверно Анне было известно, что сие – проделки Кокорева, но ситуация была игровая: Кокорев якобы грозил ей какими-то вексельями – она же голосом старалась изобразить, какая это гадость.

Библиотечный характер комнат делал Анну похожей на бумажную: буфет легко было превратить в книжный шкаф.

Если же книжный шкаф превращался в платяной – внутри, на полке, скомканная, оказывалась некая кофточка с огромным бантом.

Анна смотрела на диван, подозревая пятна; по обеим сторонам дивана, на палисандровых тумбах горели бронзовые лампы, их свет умерялся матовыми шарами.

Стол был невелик – Анна не помещалась на нем вся; скатерть спускалась так, что лежала на коленях у всех сидевших.

Анна забиралась поглубже в кресло, откатывалась в тень и начинала —

Она шлифовала ногти замшевым полиссуаром и пудрой.

Глава седьмая. Знак жизни

Была пора, и было время.

Пора принять душ, изготовить барана, вынести мебель.

Время приехать к поезду, подновить сердцеграмму, завязать интригу.

«Эмблематические фигуры» – достаточно обозначить их так, и о прочем догадаться сам.

Они ходили по кругу на башне часов, с мелодическим звоном.

И Анна догадывалась —

Бог держит знак жизни у носа царя – царь прочищает ноздри и ему пахнет яблоками; демон свободы и правды – что держит он возле ушей царицы?!

Отец (Пушкин) когда-то танцевал с царицей на зеркальном паркете Зимнего, и в детской аудитории до сих пор и до сего времени живет легенда относительно того, как все выглядело.

Отец и царица давно сами ушли в паркет, но, если им создавали условия, могли перебраться на стену и прыгали там, удлинняясь и растягивая себя.

Шторы на окнах расписаны были красными и синими Келдышами; лепные потолки представляли летящего в голубом пространстве пухлого отца Гагарина: Анна мирилась.

Через Алабина у нее была связь с бесконечностью, и бесконечно она могла повторять за кем-то, что *вера – это кредит, а за гробом нас ждет «великое может быть»*.

Мичурин находил, что у нее вкусный рот, но Анна ни за что не отвечала. Она лишь ощущала, ждала, размышляла, и Иван Владимирович, приезжая, только понапрасну тревожил ее густым яблочным духом.

Бог ли изгонит из нее демонов или они прогонят Бога?! – Этот вопрос для себя решал Толстой, но какую-то Анну следовало назвать иначе.

Он не желал и мало того: еще нескольких запавших ему дам крестил Аннами: им выдан был долгосрочный кредит доверия: хочешь – лежи на кровати, не хочешь – сиди в кресле или стой за шкафом.

Именно за зеркальным шкафом, хотел он думать, Анну ждет, может быть, —

Куда бы он ни приходил – везде преобладали Анны: празднично они беседовали, грациозно посмеивались; корсажи у иных обтянуты были стальными сетками и горели, как кирасы акробатов. Ему мелькали вдруг хрустальные талии. На плече полной Анны в темно-лиловом платье дрожал красный бант. Позже комнаты наполнились чем-то вроде облачков, полупрозрачных и бликующих, и только, как сквозь призму, можно было различить уже вдали: все Анны – графинчики!

Детская интрига: кудрявый баран, не ходи по горам!

В угольной комнате, потянувшись за персиком —
Мальчик разбил графинчик.
Кто ножками болтает, у того мама умирает.
Вещи имеют свои состояния.
Состояния вещам придают тайные (во многом) причины.
Направление ума не позволяло Толстому заниматься открытием тайных причин состоя-
ния вещей, которыми он любил пользоваться так, как они (оне) есть.

Глава восьмая. Сами по себе

Трудно поверить сразу в целое и законченное.
Анна проявлялась фрагментами: цвет лица, руки выхухоля, туго натянутые чулки, блеск
глаз.

И предчувствие: эта женщина —

*Чересчур открытое платье сообщало ей слишком праздничную наружность – оно
и сидело неловко, до того стягивая ее стан и плечи, что полнота их теряла всю свою красоту
и естественность.*

Толстой мог побожиться, что не писал этого.

Кто-то приподнял ей концы локонов и закинул их за косу – эта импровизированная при-
ческа, надо признать, необыкновенно пристала к правильному овалу лица Анны. Толстой взял
со стола кусок барежа, приготовленный Софьей Андреевной для какого-то рукоделья, и лов-
кими складками драпировал плечи своей героини.

Они враз и замедленно оглядели друг друга.

В тополевой аллее разносился гулкий стук его сердца.

Горничная светила им в передней.

На кровати никого не было, никто не сидел в кресле и не стоял за зеркальным шкафом:
придут!

Усаживая в экипаж, он целовал ей руки и колени.

Колокольчик заливался ярким звоном.

Божественная Анна и Анна демоническая напоминали о женщине-ничего и жен-
щине-вообще.

Анна демоническая не слышала земли под собою; божественная Анна не наблюдала над
собой неба.

Толстой полон был задорного чувства против женщины-вообще, но в частности ничего
не имел против женщины как таковой.

Он знал: женская красота преступна, но не мог объяснить этого.

Неумолчно и фамильярно звонили часы – горничная светила им из передней.

Свет мешал разглядеть – звон в часах, однако, давал понять: имена более *не прилипали*
к их носителям – они носились сами по себе.

Толстой положительно затруднялся: Каренина ли была перед ним, Вронский, Кумберг
или же только буквенные их обозначения.

Вот Анна! Идет по яснополянской усадьбе, входит, дает себя обнять – он наклоняется
к белой шее и целует лишь лист бумаги, где светится имя ея...

Алабин, с которым Толстой был дружен еще по Севастополю, придал Анне металличе-
ский блеск и снабдил хрустальным звоном – куда следовало он просовывал золотой ключик,
как следует заводил Анну, и та, подергиваясь, ходила по стеклянному столу.

Тысячу раз произнести «цветник», и в носу зашекочет.

Когда Алабин чихал, Анна пальцами проводила по носу.

«Вкусный нос» отвечал за аллергию.

Глава девятая. Всякий человек

Круглый московский звук лился из бесконечности.

Глаз – гора – Генрик и обратно: Генрик – гора, – глаз.

Манекен в доме Карениных смахнул слезу: приехавший Мичурин облачился в его белье, сюртук и брюки.

Слишком много людей получили доступ к бесконечности: Мичурин тоже.

Легко и просто (относительно) в бесконечность уйти – ты попробуй вернуться!

Влюбленные в бесконечность: кто они?!

Дающие одеялу сползти, и тот, кто стоит за шкафом – чья возьмет? Противостояние было тем звероподобнее, что, наконец, ожила природа.

Кудрявый баран скакал по горам; желтый аист крутился в воздухе.

Сыпались яблоки: обычные и конские; еще – яблоки любви.

Червивая любовь – на что похожа?

С Анны каждый день спадала точно какая-то шелуха.

Вдруг лопнуло лицо Келдыша (случившиеся около лица отошли в тот же час).

Академик сменил кожу: синяя из-под красной.

Отец Гагарина звал Анну в Космос – забыл, что только недавно она оттуда.

Анна между тем сбрасывала шляпку и перчатки.

Охтенка подняла яркий передник, чтобы обмахнуть лицо.

Анна выезжала к каждому поезду: всякий раз прибывал Мичурин, и ей казалось, это он звонит в часы. В самом деле в мешке из небеленого рядна он привез часы: яблочные: одно яблоко обозначало час дня, два яблока – два часа, три яблока – три.

Свежими яблоками Мичурин снабжал мавзолей: когда он клал четыре яблока на хрустальную крышку, время там останавливалось.

Яблочное время от Мичурина и время-молоко от охтенки —

Алабин снабжал мавзолей графинчиками, Кумберг – абажурами, Келдыш и отец Гагарина поставляли громоотводы: Ленин лежал без ярких мазков, все в нем было ровно, уравновешено – фигура, нарисованная природой в средних, немного линейных красках.

Нужен был благотворный, *оживляющий* дождь – без него он был прахом, той же мировой пылью.

С далеко идущими целями Ленина нужно было снова поставить на ноги; на закрытом заседании Политбюро слово было предоставлено товарищу Петру Владимировичу Алабину.

– Эмблематическая фигура Ленина, – в частности, он сказал, – принадлежит бесконечности и в этом смысле опирается на основу более широкую, нежели одно только непосредственное настоящее. Владимир Ильич при жизни позаботился о будущих своих состояниях. Ленин, без преувеличения, был *всякий-человек-сам-по-себе*, простой и мелодичный.

– Колокольчики? – о чем-то догадались члены узкого кабинета. – Звук? Кремлевские куранты?!

– Ленин, – подтвердил Алабин, – напоен был звуками, положительно он кишел ими. Если применить ультразвуковой генератор —

Глава десятая. Прощание с Антихристом

Он вырос из земли: ах, как это безбожно!

Переставлял вещи и вписывал куски в роман.

При культовом очищении изливал на Софью Андреевну струю воды в виде банта.

Грязь блестела, как река.

Отдаленный гром предвещал скорую грозу.
Предварить Анну значило предупредить ее, но о чем?!
Раздувается сфера понятий.
Иные направления принимают мысли.

Часть вторая

Глава первая. Взыскующие града

Вронский с плешью и Анна Сергеевна в очках вечерним Таганрогом шли в поисках новой жизни.

Грязь блестела, как река.

– Точно ли, Ленин из этих мест? – в последний момент Алексей Кириллович засомневался.

– Ленин звуковой или Ленин-голем? – снова Анна Сергеевна на лоб подняла оправу.

– Разве это не один и тот же? – инстинктивно Вронский дотронулся до тонзуры.

– В общем-то, один, – по ходу Анна Сергеевна протерла стекла, – вот только в двух состояниях: в одном обыкновенно он плыл по реке, в другом – барахтался в грязи.

– А почему он изгнал Бога? Правда ли, что Ильич поклонялся Барану?

Вечерний Таганрог похож был на огромный подсвеченный диван, сказочный великан на который установил мореного дуба буфет, а поверху водрузил бликующий зеркальный шкаф.

– Что там на шкафу? – Алексей Кириллович с Анны Сергеевны снял очки.

– Кресло, – и без оптики дама знала.

– Ну, а в кресле кто? – не разобрал Вронский.

– Ленин, – Анна Сергеевна пожала плечами.

Владимир Ильич, Вронский, наконец, увидел, сидел в позе бесцельного, но страстного ожидания.

Когда-то он клялся Крупской, что вот-вот будет чай, и порывался отнять у нее шляпку – сейчас было смешно вспоминать об этом; Крупская-Чехова стала неплохой актрисой и комической старухой.

В голосе Анны Сергеевны Вронский слышал ноты удовольствия, от того, что случилось.

– А что конкретно произошло? – Алексей Кириллович вернул очки.

– По неосторожности Ленин оставил пятно на диване, и Крупская заподозрила нечистое, – объяснила Анна Сергеевна, – пятно было в форме женщины, молодой, беленькой, нежной, как будучая игрушка.

– Ленин в кресле и Ленин на диване – два разных состояния Владимира Ильича? – Вронский подстраивался.

– Ленин на диване и Ленин в кресле – два разных Ленина, – Анна Сергеевна не подтвердила. – Именно первый изгнал Бога, а второй сотворил себе Барана.

– Баран, – наобум сказал Вронский, – вырос внутри самого Владимира Ильича после того, как вождь проглотил множество хлебных чернильниц, заполненных молоком, так ведь?!

Говоря, они проходили улицы. Между рядами каменных стен затворены были расчеты и страсти. Чтобы увидеть свои недостатки – нужно примерить их на другого. Ленин видел, что баран эгоистичен, властолюбив, нечистоплотен и полон упрямства. Он понимал, что Баран может сотворить всякое. Поверх луж перекинута была доска. Прохожие стучались головами. Вронский апатично почесал бок. Дома – те же цели. Дела – тоже цепи. Жизнь пустых людей состоит из бесчисленных пошлых дел.

Лицо Анны Сергеевны вдруг ссобачилось.

Вронский обтирал лицо, мокрое от погоды.

С веселым, почти игривым лицом Надежда Леонардовна открыла им сама.

Глава вторая. Чисто детские интриги

Крупская была легко узнаваема, как и скрывавшаяся за нею Книппер.

– Сейчас будет чай! – легко она отняла шляпку у Анны Сергеевны.

Глиняный бюст Ленина стоял на шкафу. Шутливо Крупская-Книппер боднула Вронского, и тот оказался на диване. Медная инкрустация старинной мебели тускло сияла местами. Надежда Леонардовна, изображая самое себя, качалась в длинном кресле. Платье на ней было новое, но как будто уже немного ношеное, присидевшееся, и не то простенькое, не то очень богатое. Нельзя было определить, взволнована она или спокойна.

– Ложный протагонист, – она продолжила, – умышленно подчеркивает то, что не подчеркивается, а скорее скрывается при стандартных отношениях. Ложных протагонистов, всех без исключения, Владимир Павлович считал оппортунистами.

– Владимир Павлович? – подняв брови, Анна Сергеевна едва не погубила всё.

– Ну да, – хозяйка дома чуть напряглась – Владимир Павлович Ленин-Чехов.

Под скатертью Алексей Кириллович сжал Анне Сергеевне пальцы, как бы приглашая ее замолчать.

– Ложным протагонистом Владимир Ильич... Владимир Павлович считал Бога? – чайной ложечкой, как по забору, Вронский провел по зубам.

Скорее, это были слова, чем мысль: тот же звон изо рта – именно так, однако, начинаются обыкновенно чисто детские интриги.

– Бог плохо верит в людей, и ложный протагонист в людей верит плохо, – Надежда Леонардовна загибала пальцы, – Бог нам суфлирует, и ложный протагонист тоже суфлирует нам; Бог немного актер, и ложный протагонист актер немного; Бог держит знак жизни у носа царя, и ложный протагонист у носа царя держит знак жизни; Бог хорошо воспитан и не расхваливает Себя грубо и пошло, а умеет кстати и ловко вернуть словцо, возбуждающее в нас высокое уважение к Его достоинствам, признанным и оцененным людьми, находящимися во главе общества, и ложный протагонист воспитан неплохо: себя не расхваливает он пошло и грубо, а умеет ловко и кстати словцо вернуть, в нас возбуждающее уважение высокое к достоинствам его, признанным людьми во главе общества находящимися!

Гостям необходимо было, чтобы хозяйка чуть приоткрыла дверцу буфета: хлебные черничницы не могли быть представлены иначе как хлебными человечками, за каплю молока готовыми на все. Эмблематическая фигура Ленина в прочной раме представлена была на одной из стен, а прямо против нее, по верху платяного шкафа установлен был ультразвуковой генератор.

К чаю Надежда Леонардовна предложила свежую выпечку: Анна Сергеевна выбрала перевернутую восьмерку, Вронский надкусил шестиугольник в круге: оба гостя скривились от избыточного послевкусия.

Когда непрощенные визитеры лишились чувств, Крупская-Книппер разложила Алексея Кирилловича на диване и выше колен задрала ему штанины.

Протез, сделанный из ствола яблони, издавал запах антоновки.

Глиняный бюст Ленина, казалось, перемигнулся с его эмблематическим изображением.

Надежда Леонардовна приоткрыла дверцу буфета, подхватила хлебного человечка, перенесла и аккуратно высадила его в потайной ящик на протезе гостя.

Глава третья. Шаг на протезе

Когда его не было дома, приходил кто-то.

Он (кто-то) надевал его блузу, съедал его кашу, переставлял вещи в кабинете, спал с Софьей Андреевной, делал кое-что и похуже, чего полагалось не замечать. Лев Николаевич легко мог это прекратить, но всякий раз откладывал исполнение до следующего раза: кто-то садился за его (Толстого) стол и писал изрядные куски романа; Льву Николаевичу было любопытно.

Он, а за ним и Крупская, понимали, что от реального лица до литературного персонажа – один шаг.

– Один шаг на протезе! – любил повторять знакомый ему по Севастополю молодцеватый Алабин.

Когда-то герой обороны и панорамы, теперь он открывал роман и, зафиксировав на себе читательское внимание, позиционируя себя *главным* со своим знаменитым обедом на поющих столах и графинчиками-женщинами, далее на страницах не появлялся.

На сцену, взамен, выступали *категории*, появлялся Бог из машины; Толстой не верил в Бога, но верил в машину – за рулем ее оказывался Немирович-Данченко, а на заднем сидении, слипшиеся от тесноты и тряски, – Книппер, символизировавшая прошлое, и Крупская в ореоле будущего.

Если заключенного решено было расстрелять, то, чтобы не портить сцены, к нему засылался хлебный человечек, предупреждавший приговоренного, что расстрел будет «ложный», и тогда все проходило спокойно.

Подписывать приговоры потребовался Ленин – Богом же для всех давно был Дмитрий Иванович Менделеев; когда Бог не задействован был в эпизоде, Он забирался в суфлерскую будку и оттуда нашептывал тем, кто не выучил своей роли – если из будки неслась отсебятина, полагали, там ложный протагонист.

– Отчего вы всегда ходите в бураковом? – Крупская начинала.

– Бураковый цвет – он еще называется сольфериновым, – в соответствующих шерстяных рейтузах на сцену выходила Ольга Леонардовна Книппер. – Я простужена.

– Не понимаю, – продолжала Надежда Константиновна. – Вы всегда тепло одеты, муж у вас хотя и небогатый, но с достатком. Мне живется куда хуже, чем вам... чулки, вот, дырявые.

Она приподнимала юбку, и в зрительном зале смеялись.

Очевидно было, что в будке суфлера сидел ложный протагонист. Спускали декорации вечернего Таганрога, из генератора лился круглый звук; малым ходом по рельсам подтягивался передвижной мавзолей; *люди-вообще* организовано встречали на дебаркадере.

Здесь нужно было не допустить анархии: каких-нибудь матросов с красными бантами на плечах – Бог не справлялся с ними (матросы прорывались), но ложный протагонист удерживал ситуацию.

Просто какой-то человек, даже не действующее лицо, без имени, родства не помнящий, на поворотном круге в магическом шестиугольнике вворачивал на сцену не самое даже бесконечность, но зияющий символ ея —

Глава четвертая. Большой праздник

Заключенным был Кумберг – поставляемые им абажуры взрывались в мавзолее, калеча и деформируя экскурсантов.

Он решил вести себя в тоне Анны; он носил зеленые очки о четырех стеклах и, когда не мог слышать, удвоенно смотрел.

Он видел: нарочно люди выдумывают тесноту и жмутся друг к другу: Ленин выдумал тесноту нарочно, чтобы сблизиться (слиться) с Чеховым, Крупская под себя подмяла Книппер, и даже Менделеев завел игры с Богом —

Звук существует сам по себе, оторвавшись от своего источника (отражается в воздухе); изображение всегда привязано к наблюдателю.

Кумберг смотрел таким взглядом, как будто говорил:

– Когда собирается гроза, когда скопляется дождь, видимый горизонт как будто расширяется, и взору отдаленные предметы представляются куда более четкими, нежели в дни погодные, ясные.

Эластическая туча, похожая на предчувствие (испуг, послевкусие, ничего), казалось, была в свежем шумящем платье из лиловой батистовки с гладким воротничком; приободрились в ожидании *взыскующие града*; вот-вот должны были посыпаться сокрушающие вопросы.

Лампа без абажура, горевшая (прозаично) посередине комнаты, давала и нет разыгаться фантазии.

– Мертво было у постели, – повторил Кумберг.

– Хотите вы сказать, Владимир Ильич всегда был неживым?! – следователь (судебный) Александр Платонович Энгельгардт не желал уклоняться от темы.

Оба знали, что вождь прижил с Крупской девять детей, скоро превратившихся в ангелов – как мог *он* без признаков жизни?!

При взрыве в мавзолее сильнее других посетителей пострадал Иероним Иеронимович Фертингоф, ударною волной отброшенный на стену и после этого покинутый его подругой Лорой.

– Владимир Ильич мог проявить себя через другого человека, – Кумберг видел, – он обладал и обладает такой способностью. Здесь следует соблюдать осторожность.

Кумберг любил Чехова и не хотел выдавать его, намекая на человека-вообще.

– Человек-вообще, просто человек, человек всякий и человек-сам-по-себе – это один и тот же человек?

– Один-и-тот-же-человек – это Владимир Ильич в мавзолее и дома, – Кумберг знал.

Следы вели к Вите Милееву, Милееву Виктору Алексеевичу, тому самому, к которому от повредившегося Фертингофа ушла Лора.

В не особенно врачной шубке, мимо гастрономического магазина с буфетом, чувствуя некоторую детскость в голове и определенную слабость в коленях.

Надо думать, был большой праздник: все дома на Большой Морской украшены были флагами: самыми яркими казались флаги над домом лампового магазина Штанге и перед фасадом другого лампового магазина – Кумберга.

Глава пятая. Своя манера

Люди принаравливались.

На все появилась своя манера: говорить и молчать, вздыхать и улыбаться, ходить и красоваться на месте – наконец: смотреть, чихать, сморкаться.

Кто-то сморкался в бумажные полотенца – сыр был такой, что только о нем и думалось.

Зеленые очки Кумберга в бронзовой литой оправе давали увидеть жизнь по-новому. Толстой смеялся желчно так, что вся его массивная фигура колыхалась: внушительно он ударял рукой по столу, как бы припечатывая свои слова.

С потолка на крашенный пол упал кусок штукатурки. Это был момент перехода от общего к частному.

Пожилой человек во фраке водил смычком.

Герикон кружился на одной ножке.

Чехов стоял посреди комнаты и испытывал то неловкое ощущение (чувствовал по отдельности руки, ноги, гениталии), какие появляются у человека, когда его разглядывают – он же сидел в зале и разглядывал. В зеркале отражался Ленин-вообще. Украденный из мавзолея, он

был до пояса в мешке из небеленого рядна и с головой пропах яблоками. Антон Павлович предлагал отправить его на Сахалин, а там видно будет. Ленина играют без грима.

– Вам будет жаль, если я умру, скажите? – Ленин посмотрел таким взглядом, как будто спросил.

Чехов подумал о сыре.

– Мне будет жаль, если вы возродитесь.

Низенький Ленин легко помещался в высоком Антоне Павловиче. Врач, он (Чехов) назначил себе выдавливание, но процесс шел туго.

Чехов хотел бы перевести Ленина в манекены, но роль была отдана Ибсену.

Кумберг и Ленин умели озвучивать свои взгляды – Ленин мог быть глиняным (големом), а Кумберг из бронзы мог отлить вообще все, что угодно, но очередь обозначить себя была за Фертингофом: человек ощущения, но не мысли, он, разумеется, не мог читать мысли других людей, но брался оценить их ощущения.

Он видел, что Лора испытывает с Милеевым ощущения, куда более сильные и возбуждающие, нежели с ним: девка была кровавая, потная. Милеев нарочно мешал ее с грязью, чтобы наслаждаться ее истерикой, которой сама Лора наслаждалась даже сильнее его.

Лора оставалась на кончиках его (Фертингофа) пальцев: распространялся сырой, неприятный запах.

Фертингоф опрыскивался духами от Огюста, натягивал перчатки от Бергонье.

Скорее, это были дорогие вещи, нежели ощущения.

Владимир Ильич всегда был вежливым: он был с признаками вежливости – свою вежливость он проявлял через Антона Павловича.

Шел однажды Антон Павлович с Анной Сергеевной, а навстречу ему Лев Николаевич с Анной Аркадьевной; первая давала ощущение, вторая – восприятие.

Анна Сергеевна брала мелочной настойчивостью.

Анна Аркадьевна – прямолинейностью.

Она двигалась прямо на Чехова – вежливо Антон Павлович пропустил ее мимо ушей.

Глава шестая. Много масла

Неживой холодно вежлив.

Ему суфлируют, но кто-то другой прислушивается чуткою душой к влажным голосам ночи.

Было ощущение Анны, появлялось ее изображение.

В тесноте сливалось ощущение с изображением.

Неясно было, кто останется в настоящем, и кто перейдет в будущее – каждый посему мог считать себя ложным протагонистом. Ложный протагонист всегда в гриме.

Кумберг, вылепивший Ленина из глины, затевал поделку из бронзы.

Воздух – сыр: ешьте воздух!

Купец Кокорев награжден был орденом Ленина 4-й степени с колокольчиками на шапку.

Скверные манеры Милеева —

Лора —

Каждый человек стремился проявить себя через другого: мавзолей Таганрога пышностью своей состязался с московским и петербургским.

Была видна чья-то рука: она заставляла вращаться в воздухе соломенную шляпу, задетую резинкой за палец – рука размахивалась все стремительнее – резинка вытягивалась, и шляпа норовила улететь за линию горизонта.

Молча Крупская заботилась о чае.

Расставляя посуду в ожидании самовара, попутно в ладонях она мяла хлеб; в большом глиняном кувшине плескалось холодное молоко.

Лампа под светлым зеленым абажуром бросала на лица спящих темно-желтый отблеск; Вронский и Анна Сергеевна похожи были на утомившихся от дальней дороги пассажиров почтового поезда с синими и коричневыми вагонами: он был из синего – первого класса, она – из коричневого, второго —

Поезд, разумеется, выдумал тот, кто прежде выдумал тесноту: голова Анны Сергеевны покоилась на плече Вронского – его протез лежал по всей длине у нее на коленях.

Явился накладного серебра самовар. Анна Сергеевна подняла голову. Вронский принял ногу.

(Позднее все опять станет иначе: с потолка на крашенный пол свалится кусок штукатурки, пожилой человек во фраке уронит смычок, и Вронского, наконец, сыграют без грима).

Надежда Константиновна подтащила стремянку, взобралась на нее и с потолка, в старом чулке, отлепила головку сыра, прежде не замеченную гостями.

– Его не едят, – объяснила хозяйка. – Только нюхают.

Сыр пахнул старым чулком.

Противу воли гости вовлечены были в детскую интригу: эмблематический Ленин в рамке на стене смотрел кудрявым бараном: господин Барановский. Негромко бурчал ультразвуковой генератор: вот-вот на столе появится много-премного масла: уже в кувшине —

Заметно дверца буфета напряглась – выгнувшись наружу, она противостояла давлению изнутри.

На все лады Надежда Константиновна расхваливала бесконечность.

Глава седьмая. Не было повода

Буря в кувшине молока и глиняный Ленин – скорее ощущения, нежели проявления чего-то иного —

Идущие к новой жизни испытывают и новые ощущения.

Анна Сергеевна чувствовала себя так, словно бы проглотила (съела) собаку. На этом самом месте (чувствовала), за столом, в доме старой комической ведьмы.

Все же она ковырнула сыру: отвлеченные вопросы вдруг стали мало ее волновать – еще немного, и она отвернется от прежних своих идеалов.

Надежда Леонардовна еще не предлагала ей на пару промчатся по пушкинским заповедным местам, но ступа и помело уже приготовлены были в сенях.

Вронский, судя по всему, хотел русалку, а, впрочем, леший его разберет!

Крупская-Книппер подкинула им курьих ножек: два итальянских окна открывали два далеких вида: самый горизонт расширился как будто.

Надежда Леонардовна разожгла камин, предлагая Анне Сергеевне попрыгать по стенам – Вронскому хотелось выстрелить из револьвера, но решительно для этого не было повода.

Крупская умела подсвистывать тетеревов и синиц, подкликать зайцев, подвывать волков, подхрюкивать свиней – тут надобно было ружье.

– А как насчет подмекнуть барана, – с трудом он выговорил, – небось, слабо вам?!

Ни с какой стороны Надежда Леонардовна не годилась для легкой интриги, никогда ни Ленину, ни Чехову даже не бросала она своего платка.

Анна Сергеевна заворчала и заворчала глазами – потянуло мерлушкой. Снаружи кто-то бился рогами о бревенчатый сруб.

Книппер, уже в рейтузах, могла сыграть хоть Леля.

– Отчего же слабо? *Бешеного* барана? – отвечала она так невозмутимо, как будто Алексей Кириллович спрашивал ее про курицу.

Никто в Таганроге не закалывал баранов – их укладывали на рельсы и ждали поезда (во всяком случае, так представлялось Вронскому).

Положи кто-нибудь на те же рельсы даму, ну хоть в мутоне, – сошло бы гладко и буднично. Машинисты имели с убоя свой законный процент и крепко за него держались. Сыр был в округе, в основном, овечий.

Все эти соображения в виде разрозненных мыслей медленно проползали в голове Вронского, в то самое время, как мелкая пестрота и разноголосица способствовали переходу главной пьесы к заключительному пресмешному водевилю.

Резная фигура мохнатым силуэтом выделилась на бледном фоне окна, убранного симметрично спускавшимися драпировками: он именно был внутри, а не снаружи.

Баран смотрел соколиным взглядом.

Каждый видел свое.

Баран – собаку.

Анна Сергеевна —

Книппер – Немировича-Данченко.

Алексей Кириллович Вронский —

Два итальянских окна теперь открывали два далеких вида: Колизей и Ватикан.

Глава восьмая. Топили камин

Ощущение было, точно она куда-то спускается.

Он шел сзади, по временам останавливаясь, чтобы дать время ее шлейфу соскользнуть по ступенькам.

Заспанный швейцар, похоже, светил им по лестнице.

Словно бы господин Барановский вдруг затопал ногами, отчего как бы раздвинулась близь: и он, и Анна Сергеевна не изображали самих себя.

У него, впрочем, было две возможности: Ленин и Чехов.

Она могла сыграть Анну Аркадьевну или Анну Андреевну.

А до поры – арбуз: господин Барановский принудил ее поднять и вынести самый большой из подвала —

Потом, тряся головой и обливаясь соком, он откусывал большие куски, спрашивая Анну Сергеевну, отчего бы он мог перестать уважать ее?!

– Да как же! – будто бы всплескивала она ладошками. – Разве же не я обманула Бога? Тогда, на набережной в Ялте? И еще – на Сенатской площади?!

Если бы артист произнес этот монолог с такой трагической простотой – вся Большая Морская заколыхалась бы от восторга; все бы прохожие плакали. Если бы они смеялись, то можно было бы подумать, что она шутит или играет роль.

Не было никаких свидетельств, что именно Ленин читал роман Толстого, как и не существовало подтверждений версии касательно работы Анны Сергеевны (Аркадьевны, Андреевны) в пресловутом Рабкрине.

Медленно он обнимал смысл ее слов.

Нелепый человек выглядывал из-за ширмы.

Близь мало-помалу закрывалась, и снова раздвигалась даль.

Полная Анна пронеслась в лиловом, держа голову в профиль —

Посыпались меткие реплики, бойкие замечания, пошли резоны, задалась сокрушающие вопросы: Алабин!

Его человек (просто человек) разворачивал бесконечную ленту.

Сверху опускалась задача жизни: из двух труб разного диаметра в бидон лилось молоко – когда и где встретятся два поезда, с одной и той же скоростью движущиеся навстречу друг другу?

Дополнительный вопрос: Вдовый дом и дом Трудолюбия – один и тот же дом?!

Пламень быстро обнимает дом и готов поглотить оный – который?

Тени пляшут по Петербургу: огромный Пушкин и громадная царица.

Пушкин с высунутым языком и царица с когтистыми крыльями.

Нет чище Пушкинского языка, нет размашистее царицыных крыл.

В одной зале топили *камин*: войдите, плиз.

Русским языком приглашают.

Банкет Общества вспоможения нуждающимся иностранцам: Ибсен!

Наскучив бездеятельной жизнью и невниманием к нему на родине, от скуки и досады, и, кажется, по совету крестьянских депутатов, приехал он в Россию размыкать горе.

Глава девятая. Выше закона

Полная Анна: четырех степеней: Анна Аркадьевна, Анна Сергеевна, Анна Андреевна — Анна на шею, Анна на шапку, Анна в подвале и на трубе!

Чижи не мы, мы не чижи!

Анна Аркадьевна написала детский роман – Антон Павлович приспособил Ибсена для русской сцены.

Три сестры от разных отцов стремились к бесконечности и прилипали к ленте.

Генерал Паукер, никак не обозначенный, —

Говорили, впрочем, он строит из себя Вронского.

Роман Толстого, подобно арбузу, —

Катил по России.

Бесконечна Россия, а уж Россия литературная еще бесконечнее – редкий пишущий долетит —

Без всякого предварительного перехода я увидел себя на Сенатской площади, и первое мое впечатление соединилось с ощущением нестерпимого (холода) —

Милорадович и Каховский в одном лице, я —

Нервы были напряжены, в концах пальцев я ощущал особую тревогу: неудержимо хотелось выстрелить из револьвера.

Детский роман, не ходи по горам!

Выглядело весьма натурально, и только черные стрелы на чулках Анны Аркадьевны были неестественно длинны; брови Анны изогнуты были луком.

Пошла Анна на базар и купила самокат: Анна Ивановна Цокотуха.

– Если бы со мною случилось что-нибудь подобное, вы прилетели бы или нет? – спрашивал генерал Паукер, продолжая плести интригу, причем лицо его то попадало в круг света от лампы, то вновь погружалось в темь абажура.

Во дворе проктологической клиники стояли чахлые геморроидальные тополи.

«Бог знает все слова, – писала Анна Каренина в своем романе, – но иногда Ему надоедает изрекать и даже говорить, и тогда Он, отдыхая, просто болтает, но и это не просто болтовня, а болтовня Божья».

– Что такого может выболтать Бог? – спрашивали у писательницы продвинутые девочки.

– Бог, – смеялась Анна, крутя своих читательниц, – может выболтать все на свете: любой секрет, тайну, затею, предположение, намерение, *искомое что-то и что-нибудь подобное* – то, что не подчеркивается, а скорее скрывается при обыкновенных отношениях: Бог знает что.

Она добавляла звуку.

– Жить по Божьи, – Бог болтал, – значит прежде всего жить парадоксальной жизнью отвернувшегося от ликов жизни человека – жить вверх и выше закона жизни в область пустой свободы у входа, и братья меч вам отдадут!

Анна ставила звук на максимум: врывалась музыка.

Боги в смешных плащах и богини в газовых юбочках точно в легких облачках кружились в бешеном вальсе, переходящем в канкан.

Глава десятая. Формы правления

Многие понимали, но помалкивали.

В далеком двадцать пятом году все же победили декабристы – решено было отказаться от монархии вовсе и перейти на республиканские формы.

Первым президентом России избран был Пушкин.

Вот тогда-то и завертелось.

Часть третья

Глава первая. Били куранты

Вышел Келдыш из тумана, вынул из кармана магический знак – тут же с потолка спрыгнул отец Гагарина: рамка, которую отводила им действительность, была столь узка и сжата, что выталкивала из себя всякую сколько-нибудь широкую замашку.

Для Келдыша – амплитуда колебаний: всего лишь от Вдовьего дома до дома Трудолюбия: электромагнитная Анна распространялась пока только в этих пределах, нервная, пылкая, вибрирующая при всяком новом впечатлении.

«Госпожа возмущений, – пытался Келдыш, связать. – Возмущение Ипсиланти».

Шум битвы, впрочем, отходил.

Анна, как прелестный метеор, исчезла с глаз; в Космос был послан отец Гагарина.

Сверху все представлялось иначе: Ватикан был в Париже, Алабин давал обед у Максима: пели на столах Большие Августинцы.

«Отчего на ногах срезаем мы ногти реже, чем на руках? – вставлял отец Гагарина лыко в строку. – А оттого, – сам же и отвечал, – что хлопотно!»

Безжалостно Келдыш вычеркивал, но Алексей Иванович готовил новые каверзы.

– Отчего постоянно вы ходите с развязанными шнурками, что за мода? – старался не спускать академик.

Спросил однажды возле мавзолея и тут же повалился головой космонавту в колени. Хлебные человечки посыпались из брючины Алексея Ивановича – такие же, в шляпах, стояли на трибуне мавзолея: хлебных человечков выдумал тот, кто прежде них выдумал мальчика-луковку и девочку-тыковку.

Девочку-же-лампочку и мальчика-абажура выдумал не Кумберг, а владелец соперничавшего магазина – Штанге; еще этот Штанге выдумал ложного протезиста, который Вронскому-Паукеру изготовил ложный протез. Когда хлебные человечки забирались в ложный протез, круг замыкался, били куранты и на часовую башню выходил Кремлевский мечтатель.

Его усталые глаза раскрывались во всю величину и ярко горели рубиновыми звездами.

Келдыш, подумав, вычеркнул.

Ангелы при Анне (партийное поручение), он и Алексей Иванович отвечали за ее сердцевину: когда амплитуда колебаний переставала соответствовать —

Келдыш вычеркнул.

Келдыша, в общем-то, придумал Пушкин – когда с царицей он вошел в Академию наук, там, в принципе, были танцы.

Келдыш вычеркнул.

Ольга *Леопардовна* никогда не стригла ногтей.

Келдыш вычеркнул.

Шнурки отца Гагарина тянулись по брусчатке – сколько бантиков не верти – вопросы остаются.

Келдыш оставил.

Глава вторая. Рискнуть предложить

Шел ложный протагонист с Кумбергом по Большой Морской, а навстречу им – Штанге с ложным протезистом.

Штанге только что выдумал электрические шнуры для космонавтов, а Кумберг – электрическое окно в мир, электрического бога и электрический самокат.

Ложный протагонист (в гриме), слишком долго просидевший в суфлерской будке, уже владел ситуацией не вполне: Штанге и его сопровождающий были в рваных тельняшках – красного же цвета шнуры бантиками схватывали прорехи; умышленно ложный протагонист подчеркнул ощущение анархии и вседозволенности, дающее почувствовать себя и привнесенное их антагонистами.

Толстой вычеркнул.

«Обделенные громом» – роман из южноафриканской жизни неведомым образом включал в себя еще не написанные страницы «Анны Карениной»: Санкт-Петербург был в Трансваале, Вронский – в перьях, поющие графинчики – насыщенного черного оттенка.

Обруселая француженка молодилась.

– Ветчины будете? Сардинок? Муравьеда? Егоров?

Вечер прошел в сомнениях.

Эластическая туча – слышался сдержанный стыдливый рокот ее.

Следствие так плотно сливалось с причиной, что трудно было назвать то и другое по имени: следствие, все же, – Александр Платонович; причина – Анна Аркадьевна.

Мебель черного дерева под темною кожей («Метель»?).

Анна была полуодета и энергически расчесывалась: москиты.

Дурно начавшийся день редко бывает удачным: в буше живут без затей: пришли пигмеи.

Принесли голову Богомолова.

Анна слишком многое знала стороной, чтобы рискнуть предложить племени какой-нибудь вопрос о его личной судьбе.

Тропические цветы в ее будуаре отделяли тяжелый влажный аромат: бушмены крутили геридон, и графинчики пели.

«Пушкинские заповедные места, – пели графинчики, – именно начинаются в этих краях: здесь именно находятся алмазные россыпи, и именно отсюда следует начинать то, что впоследствии назовут капризом, шаловливой свободой, внутренней радостью и заплясать!»

Если причина не идет к следствию —

На рассвете Анна взошла на священную гору: кто станет ей суфлировать?!

Она присела на камень, одной рукой поправляя волосы, хотя они были в порядке. Сердце ее сделалось неопределенного цвета. Во что идти? Для каких услуг рекомендовать себя?

Бог, видела Анна в магическом глазу, держит знак жизни у носа царя.

Российский Двор требовал, чтобы самый большой африканский алмаз был привезен в Петербург, обещаясь, если бы покупка не состоялась, выдать доставщику известную сумму за путевые издержки.

Глава третья. Шумно влетело

В то время как свою Анну Толстой писал с мифической дочери Пушкина, настоящая Анна (с отцом) возвратилась в Санкт-Петербург, и сразу начались разговоры (пошли толки), что, дескать, Анна *перешла*, но какая именно и куда (к кому) конкретно осталось неизвестным.

Судебный следователь Энгельгардт знал, что по прибытии отца Анны крестили, каннибальские ухватки стариком оставлены были на родине – сомнения вызывала лишь привезенная в Россию голова, которую по несколько раз на дню причесывала примкнувшая к паре обруселая француженка.

В России преклонных годов негр тут же начал придумывать новые образы, куда поэтичнее уже существовавших: так появился дядька Келдыш, Алексей Иванович Черномор и Анна

Ивановна Цокотуха; прилепившаяся к паре француженка первым делом объехала все три мавзолея, вынюхивая настоящего Ленина; Анна же Аркадьевна искала своего Каренина.

Тем временем, не в силах справиться с циклом романов об Анне, Толстой затевает новый: о декабристах.

В первом томе Алексей Кириллович Вронский по заданию Тайного общества приезжает в Таганрог, чтобы выполнить ответственное задание – там он встречается с таинственным старцем Федором Кузьмичем (отчего бронзовый?), который обращает его в католичество. Без всякого предварительного перехода прозелит видит себя в Колизее и сразу – в Ватикане, и первое его ощущение соединяется с впечатлением невыносимой жары.

Молодящаяся француженка обрусела: находившаяся временами между причиной и следствием, она добавляла первой (причине) каприза и второму (следствию) – шаловливой свободы, истоки которых (каприза, шалости, свободы) были ею профессионально уловлены на новом месте.

В правилах игры прописано было принятие ложных российских ценностей, и она подписалась под ними: хлеб – всему голова, все лучшее – детям и непременно заплясать!

Анна, между тем, обустроивалась: Кокорев с Лиговки доставил мебель, приходила охтенка, человек разворачивал ленту, отец принимал все большее сходство с Пушкиным – его начал навещать кудрявый де Барант, в шутку вызывавший Александра Аркадьевича (Сергеевича) бодаться.

– У тебя лицо, как (черная) дыня! – несерьезно хозяину указывал гость.

– А у тебя жопа, как арбуз! – смеялся новому другу новый (старый) Пушкин.

На Черной речке был открыт санаторий и при нем проктологическая клиника, ставившая звук на максимум: выше закона жизни!

Затрещал воздушный звонок, закачались тополи, шумно влетело в окно что-то яркое, эксцентрическое – легло пушистыми клоками на пестрый кретон мебели.

– Инесса! – закричала Анна француженку.

Смотрели из молочного кувшина раздувшиеся хлебные человечки.

Глава четвертая. Нечто ужасное

Отец с де Барантом уехали на Черную речку, француженка принесла ветчины.

Из репродуктора лился сплошной Ленин, и Анна убрала звук.

– Любишь его?

– Сардинок? – француженка не расслышала или сделала вид.

Обе они не знали, ушел ли Кокорев или остался в буфете, и потому —

Нужно было смыть с кожи молоко, Анна встала под хвойный душ; на теле, еще не до конца изученном, она вдруг обнаружила неизвестного происхождения довольно хитрую электрическую розетку и, опасаясь короткого замыкания, быстро просушила ее феном.

Застучал принимающий аппарат: с ленты бесконечности она прочитала: революция в Ватикане: папа смещен, назначен новый.

– Кого же избрали?

– Муравьеда, – смеялась француженка. – Муравьеда-Апостола!

Сознательно она смешивала Грибоеда с Муравьедом – Анна, однако, помнила, что по дороге в Киев... отец повстречал дроги именно с Грибоедом, проходившим по нашумевшему алмазному делу.

Голова Богомолова с длинными отросшими волосами всегда была под рукою – когда голову переносили в сани и на новеньких полозьях пускали по выпавшему свежему снегу, громко она визжала: боялась мышей?

Чучело-Ибсен стоял в измятой женской кофточке (носил то, что на него надевали: манекен) и, пользуясь случаем, ратовал за всеобщую и полную эмансипацию.

Каренин появился (влетел в окно), но решительно его не замечали – он и сам себе казался вещью – бессмысленной, ненужной, забытой: скрестив руки на груди, он занял место между буфетом и кроватью – так и застыл.

Дважды в церкви происходило оглашение, но Анна не допускалась еще к совершению ряда таинств и в частности не могла с ногами броситься на диван.

Собеседником своим чаще других она представляла Толстого (церковь смотрела весело на их отношения).

– Как жить дальше? – Анна интересовалась.

«И голос себе, проклятая, какой сочинила!»

– Мне кажется, это праздный вопрос, – сквозь зубы он отвечал.

Недоставало кого-то, чего-то.

Егоров?!

Кто-то опустил в почтовый ящик «Прапор перемоги».

Дивилась Анна: речи напрокат!

По дороге в Киев, сообщалось, от тряски выпал наружу внутренний человек: ждите в гости!

Люди дурного тона радовались: нашего полку прибыло.

Во внутреннем человеке видели человека искательного во вред другим.

Внутренний человек (позже выяснилось) имел вид человека, разом пришедшего в себя и вспомнившего нечто ужасное.

Глава пятая. Глаз-алмаз

Другим воздухом повеяло на Каренина: его поставили на афишу.

Съездивший в Киев, он на возвратном пути завернул в Таганрог.

Пушкин с царицей танцевали на зеркальном полу; захватившие власть декабристы повели в доме Крупской, здесь, расстрелять царя.

Надежда Константиновна открыла сама и тут же повела посетителя в подвал.

– Смотрите, – стала она тыкать указкой, – арбуз Анны Сергеевны, протез Вронского, печень муравьеда, бараний курдюк, хлебные поделки, сабля Ипсиланти, ногти Книппер и чулки Антона Павловича.

Добросовестно Алексей Александрович осмотрел.

– Где тут у вас можно поболтать с Богом? – вдруг ощутил он желание.

Крупская провела, но свято место оказалось заперто изнутри.

– Совсем запамятовала, – Надежда Константиновна покраснела, – там старец замкнулся, никого к себе не пускает.

– Федор Кузьмич? – Каренин догадался.

Нос Крупской сделался зеленым: получалось так, Федор Кузьмич (слово вылетело!) и есть внутренний человек.

По мысли Толстого, внутренний человек танцевал де с женою Пушкина – всем, однакож, известно было, что с женой Пушкина танцует царь.

Алексей Александрович не искал внутреннего человека – он искал правду культуры. По мысли Пушкина, правда культуры – это женщина на зеркальном полу. При упоминании о такой (это был сравнительно новый образ), каждому хотелось заплясать!

– Внутренний человек, – бросала Крупская лже-экспонаты в огонь, – сумеет соединить правду культуры с правдой зеленых ноздрей!

Керосин в двух лампочках отчаянно дымил.

Антично Крупская чесала бок.
Из замкнутого чуланчика слышался сдерживаемый стыдливый смех старца.
«Мелкий бес», – резануло Каренина.
Нечисто было у Надежды Константиновны, и по возвращении в Петербург Алексей Александрович заказал сразу два оглашения.
Его поставили на афишу.
Намеренно наивничая, Анна прикидывалась непонимающей.
Желтый аист влетел в растворенное окно и, кружась, упал на незастланную постель.
Келдыш стучал ногой: можно было подумать, на протезе – он.
Зима еще стояла, но день был летний.
Дмитрий Иванович (Менделеев) нашел, что стоять неудобно.
– Держишь знак жизни у чьего-нибудь носа, – в доверительной беседе он высказался, – и нос зеленеет.
– Сквозь иней! – отец Анны уточнил.
Он возвратился с Черной речки, блестящей, по его словам, подо льдом, и чистил дуэльные пистолеты.
О главном молчали: Егоров вместо внутреннего человека и магический глаз вместо бесценного алмаза.

Глава шестая. Стучат листья

Другой воздух нес и другие микробы.
Чувствуя зуд на теле, Келдыш говорил, что его кусают бесконечно малые первой степени.
Отец Гагарина раскачивался в креслах, наблюдая лепные карнизы.
От Анны шел пар; девушкой она не смотрела. Неспроста прилетал желтый аист – она понесла: если она родит, перестанут ли спрашивать об алмазе?!
Еще стояло лето, но был осенний день.
Анна едва не опоздала к поезду.
Приехал Мичурин, а, может статься, *отбывал*.
– Сиденье стучит по листьям сада, – напоминал он на прощание.
Его сад был бесконечным и вмещал всё; однажды он привязал яблоню к лошади: посыпались конские яблоки?
Мичурин был не тот человек, чтобы с ним крестить детей, но можно было присесть рядом: он представлял фруктовых мужиков (фруктовые мужики не ладили с хлебными человечками: тамбовские против таганрогских).
Анне внушали, что она перешла; она же чувствовала, что она упускает.
Когда она сидела рядом с Мичуриным, и тот поднимал сиденья под купы деревьев, Анна слушала, о чем стучат листья – он же обыкновенно надвое разрывал афишу и одну половину отдавал ей: у него – Грибоедов, у нее – Гарибальди; того и другого представлял Егоров.
Анна чувствовала, что упускает Егорова, хотя в действительности (той), она *допускала* его – отлично это понимали дети, но не могли взять в толк взрослые (не поминали).
– Кто Егорова помянет, – смеялись, —
Магический глаз Егорова находился на священной горе, сам же Егор Егорович, в представлении Анны, ходил с черною повязкой на лбу.
В детской, утренней версии Пушкин, едучи в Киев, повстречал на дороге не Грибоеда, а Гарибальда.
Гарибальд – микроб свободы.
Грибоед – шлифованный брильянт.

Из Рима писали, что там еще очень холодно; рожать в Италии значило рожать от Гарибальда; рожать в России – от Грибоеда.

Так, пуская качели над деревьями, говорил Мичурин – Ивану Владимировичу не хватало фантазии: одно дело выращивать яблоки —

Холодная римская зима пришла в Петербург: визжавшие в санях дамы отличались безобразием, а кавалеры – глупостью и нахальством.

С усилием Анна отделила Каренина (мужа) от стула.

Запоздалое у нее появилось желание избежать окончательного сближения с Богом.

– Помнишь, я отдавала тебе свой стан в фаэтоне? – проговорила она, задыхаясь от усилия, которого стоили ей эти слова.

Алексей Александрович не ответил; вино было налито.

Анна перешла к мужу.

Глава седьмая. Тяжкая твердость

Было блеснула мысль, но тут же согрело ощущением.

Алексей Александрович Каренин не мог хорошо думать, но умел хорошо чувствовать.

«В Таганроге, – принял он кожей, – замышлялось цареубийство и потому государь скрывался у Крупской под личиною старца Федора Кузьмича!»

Алексей Александрович ездил в Киев и Таганрог просто для того, *чтобы его не было дома* и Анне легче было бы взять грех на душу: первая женщина, согрешившая с Богом!

Жуткое чувство долга все еще не проходило у нее.

Она то ставила посуду на стол, то снова прятала в буфет.

Она нюхала какой-то бант и перешла на зеленую губную помаду.

Там и здесь в доме устойчивым знаком либо характерным признаком себя проявлял какой-нибудь атрибут, аллегорическая фигура, персонаж, историческое лицо в *преходящем*, как понимал Каренин, случайном его состоянии.

Где-нибудь на рассвете, выйдя за ненадобностью в отхожее место, Алексей Александрович сталкивался с Ибсеном, Пушкиным, Ипсиланти или им подобными.

– В иные дни, – объяснялась Анна, – к нам приходят великие люди, ангелы —

Ему послышались монголы.

Он знал, разумеется, о коллективном бессознательном, но никогда не ощущал, насколько оно близко.

«Навстречу утренним лучам полки ряды свои сомкнули», – все же подумал он.

И ошибся!

Навстречу утренним лучам именно постель оставила Анна Аркадьевна, решившая вдруг примерить на себя соломенную шляпу, забытую в последнее посещение (тысячелетие) Дмитрием Ивановичем Менделеевым.

Она надела ее задом наперед – и исчезла в зеркале.

Перевернула – и предстала прежней.

«Волнуясь, конница летит!»

Каренина крепило, все дольше засиживался он за запором.

– Он слышал скрип ее корсета-а-а! – неподалеку тенором выводил Пушкин.

Опоздаешь к поезду – не поешь, опоздаешь к обеду – не уедешь: путешествуя, мы больше едим, чем едем.

Отбывая на железную дорогу, в зеркале Анна предоставляла мужу свое правдоподобное отражение – принимаясь за еду, Каренин переносился на большие расстояния.

В отсутствие мужа навещавший Анну Дмитрий Иванович Менделеев оставил в доме кое-какие свои атрибуты: голову быка, жестяные молнии, трезубец, предметы облачения – и Алексей Александрович трогал вещи руками.

Пылало.

Ощущения накалялись, выливаясь в стремления.

Пехота двигалась.

Зарождалась мысль.

Грохотал Пушкин.

Сильно переев за обедом, вместо Киева Алексей Александрович Каренин заехал в Полтаву.

Глава восьмая. Момент приложения

Анна была уверена, что в конце концов Кокорев возьмет с нее вексель.

Этого, однако, не происходило.

Мебель под воск с зеленым шерстяным репсом отзывалась Апраксиным; с ногами Анна уже могла бросаться на диван.

В спальне было слышно каждое слово.

Говорил Владимир Ильич, что-то о Рабкрине: застоявшийся воздух гремел в тусклой комнате.

– Разве Рабкрин не ушел в народ? – Анна спросила мужа.

С Алексеем Александровичем она лежала на сцене и потому могла только имитировать.

Алексей Александрович имел возможность подключаться к ней и заряжался ее энергией.

Если много-много раз задавать себе вопрос и всегда отвечать «нет», то рано или поздно обязательно возникнет «да» (не отсюда).

После известного происшествия на железной дороге Анне прибыло ощущений – Алексея же Александровича стали преследовать мысли.

«Чувство долга, протяженность и уверенность в победе слышат шведы в этом звуке» (не отсюда).

Принявшись размышлять, он пришел к выводу, что Толстой и есть то коллективное и бессознательное, что так сильно на них давит; не только шведы дошли до Полтавы, но и часть норвежцев: шведы давили на Пушкина, норвежцы – на Толстого, и все они вместе —

Когда домочадцы, смешавшись, садились обедать за небольшой, в сущности, стол, скатерть свешивалась, закрывая им ноги – Каренин не знал, что делает Ибсен в своих прюнелевых ботиночках и потому приказал еду норвежцу подавать отдельно (его так научили в Полтаве): манекен отсажен был за геридон, который крутился на единственной своей ноге, напоминая Вронского на балу.

В реальной жизни, если она существует, каждое событие (почти) – само по себе; правда же культуры (Каренин искал) в том, чтобы почти всё свести (воедино).

Французенка легко совпадала с Инессой Арманд, всё лучшее перепадало детям, и заплясать можно было когда угодно – и только Егоров худо лепился к тому, к чему или кому его прилепляли.

«Может статься, Егоров – источник наслаждения? – задумался Алексей Александрович наедине. – Источником наслаждения самоуверенно женщины считают себя, но ведь мужчина – сам источник своему наслаждению, оно в нем самом, и это легко доказать, достигнув наслаждения без женщины вовсе. Женщина – лишь момент приложения, живая иллюстрация возможности или фантазия».

Мужчина острым взглядом прошил женщину, и на ее поверхности заплясали разноцветные червячки.

Мужчина острым взглядом прошиб женщину —
Женщины куда более биологические существа, чем мужчины.
В живой природе им (мужчинам) не может быть равенства.

Глава девятая. Заманчивое единство

Определенно, этот Егоров был вещью в себе.

Келдыш, Мичурин, отец Гагарина заметно начинали тяготиться своею индивидуальностью, как и Крупская, Книппер, Лора: всё было за то, что они своей цели добьются, слившись с кем (чем) им слиться полагалось: с ближними своими, дальними, хоть с неодушевленной природой.

Вероятно было, что и люди, которые своей индивидуальностью дорожат и не соглашались от нее отказаться ради ближних или ради возвышенной идеи – Алабин, Каренина, Толстой – сохраняют себя (останутся собою) на более или менее продолжительный срок, пока им не надоест.

В конце концов (знал один Менделеев) все они сольются в некое заманчивое единство.

Если этим единством был Егоров —

– Когда-то я ходил с косой и поедал собственных детей! – Дмитрий Иванович затемнял, переводя на себя.

«Истина от логики не зависит», – понимали.

Узкие филологи, цеховые специалисты и любители-антиквары комически приседали: быв необыкновенным человеком (!), Егоров сделался вещью.

– Когда-то, – Дмитрий Иванович говорил, – я —

«Пугал и радовал не только словами, но и мыслями!» – прибавляли.

Решительно на Сенатской площади не было повода стрелять – усталые, как после широкого бала, декабристы разошлись по домам.

Я оказался подпоясан пестрым кушаком, как подпоясываются уличные разносчики; кто-то пустил слух, что я пользовался от одной старухи.

Тем временем персонифицированные добродетели свободно расхаживали с человеческими лицами: Ленин был ходячая Человечность, Чехов – самая интеллигентность; Толстой и Ибсен представляли Борьбу противоположностей.

Старуха, от которой я пробавлялся, собою олицетворяла сразу две добродетели: Целомудрие и Умеренность.

В молодости, по дороге в Киев, ее пытался препарировать какой-то исследователь, но разноцветные червячки не дали разыграть трагедии.

Единственная дама в среде декабристов, она мечтала возвести на престол старца Федора Кузьмича.

– Кажется, это он – мелкий бес? – не мог я сформулировать точнее.

– Мелкий бес, – щерилась Груня Фаддеевна (она!), – и должен править Россией!

По совпадению, тогда же, купец и мастер Иоганн Кумберг по собственной модели заканчивал изготовление грандиозной аллегии: часы «Благословение России» отсчитывали время назад – благословителем же отчизны выступала фигура не Бога вовсе в образе Менделеева: это был какой-то трудно узнаваемый бронзовый человек.

Человек этот был я, был мой двойник: это был бывший солдат Струменский, наказанный за побег.

Глава десятая. Воздух гремел

Волшебство – это то, что было с нами прежде.

Прежде я был *комическим приседателем* – нужно было кого-нибудь осмеять, и вызывали меня: я приходил с группой филологов, цеховиков и малосведущих антикваров: показывая пальцами, мы держались за животы.

Мы представляли заманчивое единство – на самом деле не были им: мешал Егоров.

Егоров срывал маски добродетели: люди оказывались неглубокими мыслями, расхожими словами, стандартными знаками препинания.

Многие оказывались *не отсюда*.

Кто-то, напротив, – не туда.

Воздух гремел, и ощущений прибывало.

На утренник хватало с лихвой.

Детские утренники, да, имеют свою специфику.

Часть четвертая

Глава первая. Послушать егорова

Послушать Егорова – не было Анны Карениной.

Всего лишь разноцветные червячки, складываясь определенным способом, могли представлять любую из женщин; мужчин представляли вещи – когда червячки заползали внутрь вещей, действие набирало обороты; червячки (окукливаясь) замирали – динамика пропадала и действие уступало место пространственным досужим рассуждениям.

Была Анна или не была – предстояло дать жизнь сыну, который уже точно *был бы* (Сережа оставался под вопросом): таким вполне мог оказаться Алексей Стаханов.

Анна поднапряглась.

Своего Алексея Стаханова Толстой записал в декабристы – Анна же Аркадьевна сына видела застрельщиком патриотического движения: ребенок, родившийся на бархате и атласе, впрочем, чувствует такое же страдание от завернувшегося розового листка, как ребенок, родившийся на камнях, – от острого кремния, очутившегося у него под боком.

Думали сентенциозно.

Француженка, к примеру, ругала Ибсена, рассуждая, что у него круглый рот.

Колокольчик заливался ярким звоном – приходил судебный следователь насчет алмаза.

– Откупайся! – призывал Анну Каренин из задорного чувства против женщины вообще.

Кокорев доставил очередной стол – из морской березы, затейливого фасона с бронзовыми украшениями.

Анна перебирала пальцами, вплетая укосник; ей представлялось вдруг, что Егоров подкрадывается сзади, чтобы —

– Никакого Егорова не существует! – Анна успокаивала других и себя.

– Кто же тогда вместо него, – спрашивали другие и она самое себя. – Кто или что?

– Пушкин, Толстой, Грибоедов, – Алабин принимался суфлировать из укрытия, – бархат, атлас, листок, кремний —

Послушать Анну, прекрасно понятия согласовывались с представлениями: Пушкин – бархат, Толстой – листок и т. д.

Сознательно или нет, к понятиям Анна не отнесла Ибсена, и старый манекен подкинул ей категорий.

– *Свобода, равенство, братство?! – она зашаталась от непомерной навалившейся тяжести, и даже Алабин примолк в суфлерской будке: отсебятина!*

Послушать Ибсена, свобода, равенство, братство были неразделимы, а, следовательно, неразличимы: свобода и братство оказывались равны между собою!

Их (полная) неразличимость уничтожала синтетическое мышление, требовавшее вот чего: два содержания, которые в суждении уравниваются, должны при этом все же как-то различаться между собою.

В прямой эмоциональной передаче голос оппонента всегда непропорционально визглив: показывая Ибсена, Анна своими методами выставляла его на всеобщее осмеяние.

Глава вторая. Упорные стремления

Ударник Алексей Стаханов должен был увидеть свет в угольной комнате.

Побаиваясь, что возникнет Менделеев и пожрет младенца, Анна распорядилась —

Были заготовлены кучи бархата, рулоны атласа и альтернативные камни: где, на чем предпочтет он появиться?!

Заклучали пари.

Специальный человек следил, чтобы личное мужество не переходило в пустую бравладу. Нужно было забыть все, что было и вспомнить все, чего не было.

Не было ни малейшего —

Вперед, только вперед!

Если тысячу раз написать «Алексей Стаханов», он обязательно появится. Грудь Анны блестела, как река; ее раздувшаяся сфера понятий искала выхода. Мысли более не удовлетворяли ее. Местами пуре играло на солнце.

Алексей Александрович между тем не сказал ничего приличного случаю и даже обязательного для мужа.

Она откупалась: женщина вообще: любая Анна.

Цвет лица: Анна Аркадьевна.

Блеск глаза: Анна Андреевна.

Туго натянутые чулки: Анна Сергеевна.

Руки выхуоля: Анна Ивановна.

Слово «чулок» будет держаться, когда не станет самого чулка.

Свободу непременно нужно было показывать с голой грудью.

Равенство – с повязкой на лбу.

Братство – у входа передавать меч.

Ибсен, хихикал, а без него эмансипация была проблематична.

Человек-мысль, человек-слово и человек- (знак) препинания ходили туда и сюда по бумаге; в семьсот двадцать третий раз Анна писала «Алексей Стаханов».

«Свобода должна быть шаловливой, – сверху спускались тезисы. – Равенство задорным, а братство – сардинок!»

– За мной! Вперед! Ура! – напоминал о себе Александр Константинович Ипсиланти.

Всем начинало делаться совестно перед ним: упорные стремления не то чтобы встречали отпор, но вязли во всеобщей неохоте.

Когда в гостиной загремели колеса, специальный человек выкатил прочь буфет: ничтожно мелкие факты всплывали в памяти Анны помимо ее воли как представление.

У молодой женщины зарождался философский взгляд на афиши.

Представление всем на удивление!

Сказка о четырех Аннах и о непосредственно и абсолютно познающем, созерцающем и внемлющем Протагонисте, который на поверку оказывается Ложным!

Публика оглядывалась и наблюдала: кто обьелся серьезного, тому шутка —

Пересказы толстовской философии переходили в область фантастики.

Ординарная голова Богомолова, впрочем, успешно фильтровала мысли выдающегося ума.

Глава третья. Будет чудо

Сказка о четырех Аннах и четырнадцати Толстых (семь тучных и семь тощих) несла двойное содержание, которое уравнивало то, что было с тем, что еще только должно было произойти.

Первое лицо, встретившее Анну дома, было *Богомолова* – оно выскочило к ней из-за ширмы, почти плоское без выдающегося обыкновенно затылка, повисло у нее на шее и с восторгом что-то прокричало ей в уши.

– Что? Какой Вронский? – решительно она не могла взять в толк.

Он спрашивал ее, этот Вронский, но Анна не знала Вронского, а знала только Толстого, который Вронского хорошо знал.

Был ли этот Вронский вторым Толстым? Или же вторым Толстым был некий демон самолюбия, а Вронский был лишь третьим?!

Внешне отношения демона с Вронским были такие же, как прежде, но Анна не знала этого, преувеличивая, впрочем, свое незнание: ей был знаком этот демон и некоторые обстоятельства, в которых тот раскрывал себя. Демон обыкновенно стоял на путях – пути же вели к известности; известность отдавала гарью, свистками и дымом.

Чтобы не думать о непонятном, Анна подумала о природном.

Ночь, проведенная ею на копне, не прошла для нее даром: причина враждебности между ею и мужиками стала ей почти понятна.

Любая баба, в их понимании, могла «живо растрясти», а, значит, —

Когда Анна оставалась дома одна, в самом деле она могла обхватить Ибсена за плечи и начать трясти: из манекена на свет божий выпадали —

Она не задумывалась о простой вещи: можно ли сладострастником стать по приказу и с благословения света?!

Она думала неизмеримо сложнее, цельнее, природнее.

«Будет чудо со мною, — думала она, — что-то непонятное, невозможное и без всяких мужиков на копне: так хочет Бог, и это свершится!»

Накануне одетые ангелами Келдыш и отец Гагарина принесли ей благовестие.

Алексей Александрович, которому сделали внушение, выказал готовность принять младенца как данность.

Можно было считать, что Анна откупилась.

– Бог сделал свое дело, Бог может уходить? – все же у Каренина вырвалось.

Так думали ревнивые мавры – Анна подставила мужу свой носовой платок, и трубно Алексей Александрович высморкался.

Анна задумала обронить платок, если Вронский и впрямь появится, и непременно так, чтобы этот искатель видел.

Она вздыхала просто от нетерпения.

Пока еще не дошло до Алексея Стаханова, Анна переодевалась Анной Сергеевной, Анной Ивановной или Анной Андреевной и выскальзывала из дома.

Ей попадались лица как будто даже знакомые, виденные, быть может, именно на этом перекрестке, в этой витрине, в этот самый вечерний час.

Глава четвертая. Признаки Рамбулье

Братство сардинок не ограничивается банкою, а подчеркивается ею.

Глаза Анны Андреевны сделались блестящее.

Пространство было полутемно.

Ночной таинственный ужин был рыбным.

Она была второю Анной Аркадьевной – Анна Андреевна, поэтесса. Она была витриною Анны Аркадьевны, ее вечерним часом.

Пари заключали цари или парии?

Примерно такие вопросы Анна Андреевна задавала себе и другим. Ее побаивался даже Егоров. Алабин не осмеливался ей суфлировать, и даже Толстой-седьмой при встрече почтительно ей кланялся.

Если бы она вместо Анны Аркадьевны провела ночь на копне – живо растрясла бы мужиков-сладострастников.

Простая вещь!

Именно с Анной Андреевной можно было обговорить предстоявший уход Бога. Одна она знала, что демон самолюбия – это Милеев, который искусил Лору, которая пришла к нему от Фертингофа, а сам Фертингоф в знак уважения подарил Анне Андреевне тот усик с чувствительной точкой, которую некогда воспринимал он мир.

Копии с копий, да, отделили нас от того, что нужно и есть, но Анна Андреевна не отделила нас от Анны Аркадьевны, а приблизила к ней.

Демон правды (свободы) и демон самолюбия – один и тот же или два разных? Анна Андреевна писала философскую поэму – к ночи проголодалась и решила задать философский же ужин.

Темно-голубой Пушкин висел на стене и отражался в паркете. Мошенник условности, он сделался сладострастником по приказу. Коварный и находчивый государь приказал Пушкину быть сладострастником (пожертвовал царицею), чтобы на похождения Пушкина отвлечь беспокоившее его (государя) внимание декабристов.

Ночной таинственный ужин не походил ли на Сонную Тетерю?!

Двенадцать фигур на копне (поэтический образ) возлегли вдоль широкого стола, их лица были неразличимы, но все они являлись цеховыми специалистами, узкими филологами или любителями-антикварами: всечеловеки без ясно выраженных национальных черт и без признаков породы – и лишь один из них имел признаки Рамбулье.

И когда они ели, Анна Андреевна сказала:

– Истинно говорю вам, что один из вас —

Достаточно намекнуть так – о прочем сам догадаешься.

Трудно совместить муравьев с апостолами, верблюду пройти в угольную комнату, держать знак жизни у носа царя – еще труднее себе самому подготовить будущее состояние.

С мировым рекордом поднявшись из забоя, непременно Алексей Стаханов должен оказаться черным – тем ослепительнее станет играть на устах его белозубая патентованная улыбка.

Глава пятая. Позолоченное брюхо

За связи с Вронским первоначально несла ответственность Анна Сергеевна: Вронский никогда не знал Анны Аркадьевны.

Возвратившись из Таганрога, где он исполнял роль двойного агента, Алексей Кириллович выступил в образе генерала Паукера и выражал его взгляды, как-то: все знакомы со всеми; Федор Кузьмич – царь-писатель; люди не доросли до событий!

Посетивший Крупскую (кто теперь это помнит?) Вронский разгадал ее тайну: Надежда Константиновна была не одна.

Болтали, что девять ее младенцев забрал Менделеев, но как он мог —

В комнатах стояла духота, мухи не успели еще засидеть бронзу: выбирая между Кумбергом и Штанге, Анна Сергеевна склонялась к Штанге.

Вронский объяснил ей, что к Штанге нужно ходить непременно вечером, потому что по утрам он как-то очень уж страшен: бледен, желт (револьвер), апатичен, зол и только под конец дня мало-помалу разгуливается и не производит такого подавляющего впечатления.

«Эта история должна кончиться пустяками!» – себя убеждала Анна Сергеевна.

Вронский запустил геридон – это было делом одной минуты.

– Когда же начнется? – Анна Сергеевна не понимала.

– Вы, женщины, знаете это лучше, – Вронский принимал таинственный вид.

Ранее принявший католичество, держался он теперь римских обрядов: крестился не двумя, а шестью пальцами, служил обедню не на пяти, а на семнадцати просфорах, читал и пел со Штанге не трегубую, а сугубую аллилуйю.

Кутейник или рясофорный?! Но ведь тогда менялось имя!

– Ведь вам не совестно *Григория*, – Вронский отвечал странным образом, – так я, право, для вас и есть *Григорий*!

С волосами кверху или книзу, с тонзурию, он подходил к фортепьяно и с чувством бил руками Анны Сергеевны по клавишам.

Свадьба должна была сделаться без музыки: Антон Павлович не давал развода: кто привязал Анну Сергеевну к яблоне? Арбузу? Черному монаху?

Алексей Кириллович рассказывал такие вздоры, что все помирали со смеху, а Анна Сергеевна даже один раз ногами вскочила на стену.

Кто мог знать тогда, что оба они *подхватили* от Федора Кузьмича?!

Демону подавай обряды – бесу довольно ребра!

Разговор шел живо, и чертям было весело.

Фигурировали объекты: Вдовый дом при Смольном монастыре, Дом трудолюбия на 13-й линии, проктологическая клиника на Черной речке. Самокатное сообщение между тремя учреждениями к жизни вызвало некую Анну Ивановну-позолоченное брюхо, с которой Анна Сергеевна вполне могла схлестнуться на базаре, покупая арбуз.

Черное платье с крылышками из легкой полупрозрачной ткани выдавало костлявость ее шеи и резче выставляло на вид болезненную желтизну лица.

Глава шестая. Холить руки

Женщины *ни о чем другом* думать не могут.

Только о природном.

У мужчин зато – интуиция!

Откуда мог он, Алексей Александрович, знать, что Бог уйдет?

Опыт предков подсказывал, коллективных и бессознательных.

Женщина не так жирна, как мясиста.

Женщина – сырая сила человека.

Женщина не может засидеть бронзу.

Алексей Александрович долго тянул остаток дня. Из окна не на что было посмотреть. Чтобы рассеяться, он почесался. Его позвали – он не ответил – настала тишина. Слышно было, как Анна Ивановна пролетела в зеленом.

Она села так близко, что платьем накрыла ему руку; было щекотно.

– Я вас ненадолго задержу, сударь, – она подкорчила под себя ножки, – я вижу, что вы хотели ехать со двора.

Ее составные глаза были преступными и безгрешными одновременно.

Алексей Александрович знал, что своей связью с генералом Паукером Анна Ивановна Цокотуха подготавливает будущие отношения Анны Аркадьевны с Вронским: обкатывает модель.

Нет такой поговорки: «От истины – ничего, кроме идеи о норме».

– Норма, – между тем Анна Ивановна жужжала в уши, – не мыть тарелок и не начищать бронзу.

– Холить руки? – догадался Каренин.

Скромный в мыслях, он был далек от идеи из пальца. Бог-выхухоль, пусть из первых рук, годился лишь для животных (интересов).

Умный и тонкий в служебных делах Алексей Александрович почти не сознавал, что сам выдумывает себе жену из живой плоти, чтобы не открывать того ящика, где с некоторых пор лежала Анна Аркадьевна, которая делалась тем страшнее, чем дольше лежала: Анна же Ивановна прилетела *на запах* и, потирая лапки, переводила взгляд с дивана на буфет.

То, что невозможно осмыслить – то и не страшно.

Мысль о смерти, да, приходила, но Алексей Александрович отгонял ее, как муху. Анна Ивановна была ли сама мыслью или к нему прилетала (с чего бы?) мысль об Анне Ивановне?

Когда не можешь думать, удвоенно чувствуешь.

Вот Анна, она еще не развалилась.

Идет беспцельно по улице.

Грязное мороженое?

Нет, москательная лавка!

Она требует липкую ленту.

– Извольте-с.

В ту же минуту откидывает она подол и легким движением, как бы готовясь тотчас встать, садится – что огромное, неумолимое хватает ее и тащит за голую кожу —

Глава седьмая. Длинные уши

Разноцветные червячки в большом буфетном ящике сложились определенным образом —

Анне советовали откупиться и родить-таки Спасителя.

Социалистическая экономика трещала по швам, Рабкрин не справлялся, нужен был Великий зачин.

Дмитрий Иванович Менделеев перед уходом внес Анну в свою таблицу: он вычеркнул *паровозий*, и тяжелый состав остановился.

Декабристы из Южного общества не доехали до Петербурга, умный заяц бросился в ноги Пушкину.

Начали крутиться лица, опыт предков (по отцу) бессознательно надавил: Бог был черным – Пушкин верил в Лумумбу, и тот требовал жертвоприношений. Анна Аркадьевна приоткрыла дверцу и выскользнула наружу.

Крутился геридон, на блестящей поверхности возник лик папы Григория.

– Дети обезличиваются, – предупредил он. – Первые сказки не могут быть русскими.

Она была афрапирована.

Курительная бумажка Мусатова заменяла всякую дезинфекцию – Анна встала под хвойный душ (в ней таились сырые силы, ждущие только срока).

Она позвала Алексея Александровича.

Где-то сморкались.

Нас всех спасет умолчание.

Умолчание было настолько сильное, что Анна рукою ощупала что-то на теле: о том ли говорили *тогда* и молчат теперь?!

Кто это идет? Ей навстречу шли три дамы (выстрел в воздух) и отражались в витрине (приписывая значение).

(Слова теперь имели для Анны особый смысл).

Анна забежала в магазин: лампы, абажуры, забронзовевший Ленин, Чехов; скачет прямо на нее генерал Ипсиланти.

Анна знала, что отношения не могут развиваться бесконечно: жизнь, да, это приличных размеров труба, по которой подается нагретый воздух – тебя подхватывает, несет, стучит об стенки, переворачивает вверх ногами, но, бывает, что качать перестают, и тогда всё застревает на месте в том неестественном положении, в котором застало отключение насоса/компрессора, которых, в общем-то, два: один выпускает струю, а на противоположном конце (другой) всасывает —

Три дамы из желтых револьверов палили по витрине – они приписывали значение Ленину, от которого на все стороны крупно разлетались куски головы и тела: это была русская сказка на французский лад.

Анна придумывала все на свете, лишь бы не рожать.

Кумберг в двойных очках крутил Анне лицо: из нее хотел он —

– Чем питается умный заяц? – Анна потянула за длинные бронзовые уши.

– Червячками, – Кумберг убрал пальцы.

Глава восьмая. Ложный магазин

«Штанге» вполне рифмовался с «ложным».

Все, связанное с ним, не соответствовало действительности: лицо, душа, мысли.

С него Чехов писал свой «Магазин №2», который в действительности был отражением магазина Кумберга.

Магазин Штанге расположен был аккурат напротив магазина Кумберга и отражался в его витрине: нужны были зеленые очки с двойными стеклами, чтобы распознать, где который.

Анна Сергеевна давно мечтала приобрести электрический арбуз: привязать его к яблоне и посмотреть, что получится! Анне Андреевне требовалось проверить рифму: «револьвер – желт», что до Анны Ивановны – ей пора было золотить брюшко.

Нет такой поговорки: «Ровенький человек имеет в виду срединное положение вещей».

Ровенький человек, идущий по канату, редко видит свое семейство.

Если бы ровенький человек упал и разбился —

Ровенький человек не делает сцен и держит себя ровно.

«Электрический арбуз» – хороший образ для футбольного мяча; где мяч – там и Штанге.

Арбуз, принявший электричество.

Вронский смотрелся в витрину и видел на *зеленом себе* черные поперечные полосы.

Вронский и Штанге – братья навек?

Сугубо Алексей Кириллович рассказывал о том, как генерал Паукер возомнил себя Римским папой и был помещен в проктологическую клинику на Черной речке – Штанге при этом включал ложное освещение, при котором коллективный бессознательный опыт предков принимал вид убитого старика.

Общий для всех старик был личностью в узком смысле – *скрытые* же смыслы он распространял: Смыслов.

Архаическая душа (потемки!), он кристаллизировал художественные образы в харизматические личности, трансперсонально управляющие нашим поведением!

– Всегда можно забраться выше! – учил Смыслов, предостерегая против избыточного копания в мелких и средних деталях.

Смыслов убивал дорожки, ведущие назад: проехали!

Какой был в этом смысл – знал только Менделеев, но очень многие хотели Василия Васильевича убить.

Ни слова о Ботвиннике!

Личность в широчайшем смысле —

Ровенький человек должен был заманить Смылова на канат.

То, как рассказывал Вронский об убитом старике, и то, как освещал его передачу Штанге, по сути, было нерусской сказкой.

Дети, слушавшие и смотревшие ее, обезличивались до того, что родители —

Глава девятая. Истоки свободы

– Из кашек? – не поверила Анна Аркадьевна.
– Именно так! – в разных местах и в разное время одинаково отвечали Алабин, Егоров, Мичурин, Немирович-Данченко и другие апостолы.
Еще целый и невредимый Смыслов знал даже отчество: Олеговна.
Пятая, незнакомая Анна пробивалась в установившийся квартет, составившаяся из специфического материала.
– Что за кашки, откуда? – не знала Анна, что и думать.
– Пока неизвестно; пробы отправлены Мечникову.
Каренина шепталась с черной горничной, опасаясь лишней раз —
Какой смысл заложен был в Анне Олеговне?
Кто *из них* съел грязное мороженое?
Стоило ли (пока Мечников копается в материале) навести справки в проктологической клинике?
Менделеев ушел, ангелы намекали загадочно:
– От одной старухи.
При этом Келдыш пудрился, отец же Гагарина лежал, разбитый лошадьми.
Анна отшатывалась от цветов: все представлялись ей каллами.
Спасти должно было умолчание: тогда умалчивали о природном, теперь – об интуитивном.
Какие-то свисали отовсюду хвостики с предупреждением: «Не дергать!»
Шахтеры не поднимаются на поверхность, чтобы справить нужду. Летчики не прыгают для этого с парашютом. Моряки —
В этом и есть истоки шаловливой свободы и задорного равенства.
Шкаф и комоды были раскрыты, два раза бегали в москательную лавку за липкой лентой, по полу валялась туалетная бумага.
Слова признавались не сказанными.
Анна Олеговна могла существовать и не существовать по выбору.
Каренина притворилась, что пишет.
Дети в любом случае будут счастливы.
Анна страшилась забвения: Анна Олеговна была лишней возможностью напомнить о себе: напомнить умолчанием, разностью, загадочностью, специфичностью и привязкой к проктологической клинике.
Сделавшая себя из кашек – могла ли иметь свой дом, быть женою и хозяйкой этого дома, рожать детей, которые называли бы ее матерью при содействии (пусть!) мясной лавки, мух, кур и скотного двора?
Четыре Анны разошлись по спящему Петербургу; каждую сопровождал трубочист с длинной лестницей.
– Нужно принять нечто безусловно новое, – Анны взбирались. – Общение между нами никак не возможно, покуда не отречетесь вы от истины в инстанции и не примете условную ложь! – вещали они в форточки.
Судебный следователь Энгельгардт долго не мог уснуть, испытывая нечто наподобие страдания – проснувшись поутру, он обнаружил алмаз, очутившийся у него под боком.

Глава десятая. Ничего особенного

Не требовалось ничего особенного: шло само – только удержаться!

Келдыш напудрился; поправлялся и отец Гагарина.

Пудриться теперь отходило к Владимиру Ильичу – Крупской следовало обходить лошадей.

Судебный следователь Энгельгардт, закрывший «алмазное дело», принял следующее: об ограблении магазина Кумберга.

Скандал и срам! Исчезло «Благословение России»!

Часть пятая

Глава первая. Поднял брови

Мебель пряталась под чехлами, но за нее говорили затейливые шелковые драпировки, дорогие зеркала и бархатные ковры как будто сейчас из магазина.

Ручка для стальных перьев была резная из красного коралла, почтовая бумага – соломенного цвета, стальные перья брались из тисненой гуттаперчевой коробочки – мне случилась надобность побывать у Ленина.

– Мир деланный, Брестский! – говорил и писал вождь.

В общежитии часто уточняют: «с целым овином кудрей на голове».

Баран не был забыт: умение властвовать над сильным животным, над бестиарностью в себе – хороший навык и его нужно приобретать очень рано.

– При содействии?

– О, нет! – Владимир Ильич рассмеялся.

Статья называлась: «От скотного двора до мясной лавки».

Истина или идея о корме?

Для стада баранов тот баран, который каждый вечер отгоняется овчаром в особый денник к кормушке, становясь вдвое толще других, должен казаться мечтателем.

– Как совместить Анну и революцию? – я спросил.

– Достаточно, – колыхался Ленин, – Рабкрин наложить на Каренина.

Владимир Ильич был вдвое толще других людей – корректирующее американское бельё однако делало уродство почти незаметным.

Я передал ему изукрашенную брильянтами пудреницу: «Изгнавшему Бога от скромного протагониста».

Вождь поднял брови.

– Поезд, – иллюстрировал я забытым. – Идет просекой в тайге мимо озера. Ночь. Купе ярко освещено, бардак: шампанское, женщины, шум. Мы – с веселящимися. С завистью на чудо смотрят жители таежного поселка, а мы уже распустили губы, тянемся к шампанскому, к бабам – сейчас мы их!.. Но что это?! Гудя, чудесный призрак уносится прочь, и мы остаемся в черт знает какой глуши с угрюмыми первопроходцами и их непонятными нам проблемами —

– Поезд, – Ильич подобрался вплотную, – как Ложный протагонист. Он не взял нас с собою?!

– Машинист, – уточнил я, – не взял. Кланяющийся, обвязанный, заиндевелый, Ложный протагонист он. У озера.

Ильич попудрил лоб.

Он обладал способностью утрировать людей и вещи.

Втроем вошли в комнату Надежды Константиновны: каждая была именно Надежда Константиновна Крупская, та самая. Как это у него получается, и для чего, Владимир Ильич не знал.

– Девочки, – он объявил, – поезд идет дальше!

Телеграф, банки, мосты, вокзалы были захвачены.

Оставалось взять Вдовый дом, Дом трудолюбия и проктологическую клинику.

Глава вторая. Визжал снег

Ленин да не тот – ткни и развалится!

Купец Кокорев записывал в народное ополчение.

Кумберг защищал Вдовый дом, Милеев – Дом трудолюбия и генерал Паукер – проктологическую клинику.

Кумбергу противостоял отец Гагарина, с Милеевым схватился беглый солдат Струменский, Паукера выбивал Келдыш.

Стреляли из револьвера. Сыпались стекла. Визжал снег. Выстраивались декабристы. Дорогу перебегал фальшивый заяц. За первенство боролись Гарибальди с Ипсиланти. Гремел воздух, и прибывало ощущений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.